

ВЕСТНИК МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ. 2018. № 2 (4)

Научно-аналитический журнал

**ВЕСТНИК
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ**

IR YOUNG SCIENTISTS' HERALD

№ 2, 2018 (4)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Научно-аналитического журнала
«ВЕСТНИК МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

Бажанов Евгений Петрович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, ректор Дипломатической академии МИД России.

ЧЛЕНЫ СОВЕТА

Аникин Владимир Иванович, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра мировой экономики Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Винокуров Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры Дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России

Грибанич Владимир Михайлович, доктор экономических наук, профессор кафедры Мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Данельян Андрей Андреевич, доцент, доктор юридических наук, заведующий кафедрой Международного права Дипломатической академии МИД России

Егоров Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры Международного права Дипломатической академии МИД России

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России

Закаурцева Татьяна Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, первый проректор Дипломатической академии МИД России.

Зверева Татьяна Вадимовна, доктор политических наук, заведующая Центром евроатлантических исследований и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Иванов Олег Петрович, доктор политических наук, профессор, проректор по научной работе Дипломатической академии МИД России

Иванов Сергей Евгеньевич, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России

Каширина Татьяна Владиславовна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Международных отношений Дипломатической академии МИД России

Логинов Борис Борисович, кандидат экономических наук, профессор кафедры Мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Любимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, руководитель Центра международного права Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Мозлов Асламбек Тотыбекович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой восточных языков Дипломатической академии МИД России

Моисеев Анатолий Васильевич, кандидат военных наук, профессор кафедры Государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД России

Неймарк Марк Афроимович, доктор исторических наук, профессор кафедры Политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России

Ногмова Аделина Шафиковна, кандидат политических наук, декан факультета Подготовки кадров высшей научной квалификации Дипломатической академии МИД России

Рудов Георгий Алексеевич, доктор политических наук, профессор, советник при Ректорате Дипломатической академии МИД России

Сидорова Надежда Павловна, кандидат политических наук, проректор по молодежной политике и социальной работе Дипломатической академии МИД России

Сурма Иван Викторович, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой Государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД России

Толмачев Петр Иванович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Феофанов Константин Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры Международных отношений Дипломатической академии МИД России

Хлестов Олег Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры Международного права Дипломатической академии МИД России

Черниченко Станислав Валентинович, доктор юридических наук, профессор кафедры Международного права Дипломатической академии МИД России

Штоль Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, главный редактор научно-аналитического журнала «Обозреватель-Observer»

Якушев Михаил Владимирович, доктор юридических наук, профессор кафедры Международного права Дипломатической академии МИД России

Яхменев Петр Александрович, кандидат экономических наук, руководитель Центра мировой экономики Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

EDITORIAL COUNCIL
Scientific and Analytical Journal
“IR YOUNG SCIENTISTS’ HERALD”
CHAIRMAN OF THE BOARD

Evgeniy Bazhanov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Rector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Adelina Nogmova, Ph.D. (Political Science), Dean of the Faculty for the Training of Scientific Personnel of the Highest Qualification of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Aslambek Mozloev, Ph.D. (Historical Science) Head of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Aleksey Lyubimov, Doctor of Sciences (Law), Head of the Center for International Law of the Institute for Topical International Problems of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Anatoly Moiseyev, Ph.D. (Military Science), Professor of the Department of Public Administration in Foreign Policy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Andrey Danelyan, Doctor of Sciences (Law), Head of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Boris Loginov, Ph.D. (Economics), Professor of the Department of the World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Georgy Rudov, Rectorate Adviser, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs of Russia

Ivan Surma, Ph.D. (Economics), Head of the Department of Public Administration in Foreign Policy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Konstantin Feofanov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Mark Neimark, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Mikhail Yakushev, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Nadezhda Sidorova, Ph.D. (Political Science), Vice-Rector for Youth Policy and Social Work of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Oleg Ivanov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Vice-Rector for Research of the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs of Russia

Oleg Khlestov, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Petr Tolmachev, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Department of World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Petr Yakhmenev, Ph.D. (Economics), Head of the Center for World Economy of the Institute for Topical International Problems of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Sergey Egorov, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Sergey Ivanov, Ph.D. (History), Head of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Sergey Zhiltsov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the Department of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Stanislav Chernichenko, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Kashirina, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Zakaurtseva, Doctor of Sciences (History), Professor, First Vice-Rector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Zvereva, Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Center for Euro-Atlantic Studies and International Security of the Institute for Topical International Problems of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vladimir Anikin, Doctor of Sciences (Economics), Leading Researcher of the Center for World Economy of the Institute for Topical International Problems of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vladimir Gribanich, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of the World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vladimir Shtol, Doctor of Sciences (Political Science), Editor-in-Chief of the Scientific and Analytical Journal «Observer»

Vladimir Vinokurov, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

«ВЕСТНИК МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ»

Научный периодический электронный журнал «Вестник молодых ученых-международников» издается Советом молодых ученых Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации с 2017 года. Публикуется ежеквартально. Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений, мировой экономики и международного права, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой. Входит в РИНЦ.

Цель журнала — публикация материалов по специальностям:

07.00.00 Исторические науки и археология;

08.00.00 Экономические науки;

23.00.00 Политология.

Периодичность: выходит 4 раза в год и распространяется в Российской Федерации.

Научный руководитель

О.П. Иванов, д. полит.н.

Редакционная коллегия журнала

Р.Н. Шангараев – главный редактор, к.э.н.

О.А. Тимакова – заместитель главного редактора, к.полит.н.

М.М. Мурашко – ответственный секретарь, аспирант

И.О. Анисимов – редактор, к. юр. н

Н.С. Белякова – редактор, к.полит.н.

С.М. Гаврилова – редактор, к.ист.н.

Л.Н. Кулябина – редактор, к.полит.н.

Д.А. Сидоров – редактор, к.полит.н.

Д.О. Мосолова – редактор, к.полит.н.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ЭЛ № ФС 77-69319 от 06 апреля 2017 г.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Редакция журнала не несёт ответственности за высказанные авторами публикаций точки зрения на происходящие в России и в мире политические процессы, события, явления.

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

IR YOUNG SCIENTISTS' HERALD

The scientific periodical electronic journal IR YOUNG SCIENTISTS' HERALD is published quarterly. The magazine is designed for professional researchers, analysts, practitioners in the field of international relations, world economy, international law, and a wide range of readers interested in Russian and foreign policy.

The **purpose** of the magazine is to publish scientific papers on the specialties:
07.00.00 Historical Sciences and Archeology;
08.00.00 Economic sciences;
23.00.00 Political science.

Periodicity: published 4 times a year (quarterly) and distributed in the Russian Federation.

Scientific adviser

Professor O.P. Ivanov, Doctor of Sciences (Political Science)

Editorial Board of the Journal

R.N. Shangaraev - Editor in Chief, Ph.D. (Economy)

OA Timakova - Deputy Editor in Chief, Ph.D. (Political Science)

M.M. Murashko - Executive secretary, Postgraduate Student

I.O. Anisimov - Editor, Ph.D. (Law)

N.S. Belyakova - Editor, Ph.D. (Political Science)

S.M. Gavrilova - Editor, Ph.D. (History)

L.N. Kulyabina – Editor, Ph.D. (Political Science)

D.A. Sidorov - Editor, Ph.D. (Political Science)

D.O. Mosolova - Editor, Ph.D. (Political Science)

The publication is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor), registration number of **EL No. FS 77-69319, April 6, 2017.**

Copyrights to the published materials belong to the editorial staff of the magazine and the authors of the articles. The editorial position does not necessarily coincide with the opinion of the authors. Reprinting of materials without permission of the editorial board is prohibited. Reference while using materials is obligatory. The editorial board of the journal is not responsible for the opinions expressed by the authors of the publications on the political processes, events and phenomena occurring in Russia and in the world.

E-mail address: vestnik-smu-da@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

<i>Крылов Д.С.</i> Анализ трактата «Тридцать шесть стратагем» в контексте современной информационной войны на примере сирийского конфликта	10
<i>Петрова А.В.</i> Роль официального дискурса в конструировании модели двухстороннего взаимодействия (на примере российского и американского подходов к сирийскому регулированию 2011-2016 гг.)	20
<i>Мальев В.В.</i> Консолидация США и стран-членов ЕС в рамках трансатлантических отношений в области обороны	31
<i>Лабуткин Н.С.</i> Африканская архитектура мира и безопасности: современное состояние, проблемы и перспективы	41
<i>Скобелев А.В.</i> Особенности гибридных войн в современных международных отношениях	51
<i>Давыдова Н.А.</i> Россия и Европа: национализм как угроза национальной безопасности государств	59

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Прохоров Р.Е.</i> Публичная дипломатия как важный ресурс развития пакистано-китайских двусторонних отношений	77
<i>Пугачева О.С.</i> Перспективы объединения государств Корейского полуострова	84
<i>Маталаева Ф.Э.</i> Тенденции миграции в современном цивилизационном мейнстриме	95
<i>Кузина О.Е.</i> Российская «мягкая сила» в борьбе с «российской угрозой» в странах Балтии	108
<i>Махмуд А.Х.</i> «Мягкая сила» Российской Федерации в XXI веке	117
К сведению авторов	127

CONTENTS

INTERNATIONAL AND NATIONAL SECURITY

<i>D. Krylov</i> , Principles of the Treatise «Thirty-Six Stratagems» in Modern Information War and Examples of Their Use in Syrian Conflict N.	10
<i>A. Petrova</i> , Role of Official Discourse in Construction of Pattern of Bilateral Relations (on Example of Russian and US Approaches towards Syrian Settlement in 2011-2016)	20
<i>V. Malev</i> , USA and EU Consolidation of Transatlantic Military Relations	31
<i>N. Labutkin</i> , African Peace and Security Architecture: Contemporary State, Problems and Prospects	41
<i>A. Skobelev</i> , Peculiarities of Hybrid Warfare in Contemporary International Relations	51
<i>N. Davydova</i> , Nationalism as a Threat to National Security: cases of Russia and Europe	59

WORLD POLITICS

AND INTERNATIONAL RELATIONS

<i>R. Prohorov</i> , Public Diplomacy as Important Source for Development of Pakistani-Chinese Bilateral Relations	77
<i>O. Pugacheva</i> , Prospects for Reunification of States of Korean Peninsula	84
<i>F. Matalaeva</i> , Trends of Migration in Contemporary Civilization Mainstream	95
<i>O. Kuzina</i> , Russian Soft Power Against «Russian Threat» in Baltic States	108
<i>A. Makhmud</i> , Russian Federation Soft Power in XXI Century	117
Notice to the authors	127

МЕЖДУНАРОДНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Крылов Д.С.

Магистр Дипломатической академии
Министерства иностранных дел России
danila-krylov@yandex.ru

Danila Krylov

Master's Degree Student of the Diplomatic Academy of the Ministry of
Foreign Affairs of the Russian Federation
danila-krylov@yandex.ru

**Анализ трактата «Тридцать шесть стратагем» в контексте современной
информационной войны на примере сирийского конфликта**

**Principles of the Treatise «Thirty-Six Stratagems» in Modern Information
War and Examples of Their Use in Syrian Conflict**

Аннотация: Статья посвящена анализу трактата «Тридцать шесть стратагем» в рамках ведения современной информационно-психологической войны на государственном уровне. В статье уделяется внимание понятию стратагема и возможности ее использования для реализации национальных интересов, на примере действий государств в сирийском конфликте.

Ключевые слова: информационная война, Сирия, стратагема.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the military treatise “Thirty-six stratagems” in framework of modern information-psychological warfare between states. The article pays attention to understanding of stratagem and possibility to use it in realizing national interest. Syrian conflict is taken as an example in the article.

Key words: information war, Syria, stratagem.

«Тридцать шесть стратагем» – известный древнекитайский трактат об использовании стратагем – специально подготовленных и реализованных хитростей, для достижения конкретных неявных целей. Основным компонентом китайских стратагем, которые делают их уникальными в сравнении с другими тактическими приемами, является учет человеческой психологии и особенностей восприятия и мышления.

Сам трактат был написан китайцами (мнения историков об авторе расходятся: им могут быть как Сунь Цзы, так и Чжугэ Ляну) для китайцев и против китайцев более 2000 лет назад. У каждой цивилизации и народа свои ментальные характеристики и свой способ восприятия действительности. Мышление китайцев, и, например, британцев, сильно различается. Поэтому, прежде чем использовать ту или иную стратагему, следует в первую очередь обратить внимание на возможность ее реализации с учетом психологии актора стратагемы (того, кто ее реализует) и цели (объекта) стратагемы (того, против кого она направлена). Классически, трактат был предназначен для использования в военном деле и для тайных интриг. Впоследствии ему было найдено применение в дипломатии, например, при проведении политики нейтралитета.

Рассмотрим применение некоторых стратагем (одной или нескольких в каждом конкретном случае) в рамках ведения современной информационно-психологической войны на государственном уровне на примере освещения событий в Сирийской Арабской Республике. В настоящее время в Сирии столкнулись интересы многих государств, стремящихся реализовать собственные национальные интересы, укрепить свое влияние в регионе. Стороны активно используют политические и дипломатические ухищрения, тактические приемы, которые позволили бы им достигнуть превосходства над остальными игроками и подорвать позиции противника.

Для упрощения формы записи и лучшей визуализации, каждое применение стратагемы обозначено формулой «СТ#Х», где Х – порядковый

номер стратагемы. Названия стратагем и основной принцип их действия разещен в сносках. Названия стратегем для унификации взяты с ресурса China INC, который посвящен Китаю [1].

Проведление мандата ОЗХО-ООН

Начнем анализ с конфликта между Россией и США по вопросу продления мандата ОЗХО-ООН. В опубликованной 26 октября 2017 г. статье «Путин одобрил применение химического оружия» для британской «Таймс» Х. де Бреттон-Гордон заявил, что вето, наложенное Россией на проект США по продлению мандата группы Совместного механизма расследования ОЗХО-ООН, позволит «избежать ответственности» лицам, которые безнаказанно используют оружие массового поражения, в частности, сирийскому режиму, который «убивает сотни людей химическими атаками» [11].

Эти заявления укладываются в формат Стратагемы 1 (СТ#1) «Обмануть императора, чтобы он переплыл море». Задачей является сокрытие настоящей цели при помощи яркой ловушки, в ситуации, когда скрыть что-либо крайне сложно. Для этого, тайное выдвигается на передний план или многократно повторяется, с последующим резким изменением акцента, или скрывается на фоне неожиданной яркой акции, провокации. США ставят цель отвлечь внимание мировой общественности, например, от признания Госдепартаментом фактов применения химического оружия террористами в Сирии [7].

Если рассматривать инфорационные материалы западных СМИ в рамках СТ#2¹, СТ#3² и СТ#6³, то видны попытки перехвата российской инициативы в вопросе осуществления расследования применения

---

¹ СТ#2. «Осадить Вэй, чтобы спасти Чжао». Перехват инициативы без прямого столкновения через вынуждение противника отказаться от идеи, путем прямого или косвенного давления на него.

² СТ#3. «Убить чужим ножом». Вовлечение третьих сторон и манипуляция ими.

³ СТ#6. «Поднять шум на востоке – напасть на западе». Создание ложного информационного фона, маскирующего направленность реальных действий.

химического оружия террористами (в условиях активного обвинения в этих преступлениях правительственных сил Асада), манипуляции правом государства-постоянного члена СБ ООН использовать свое право вето и создание ложного информационного фона, который маскирует реальное положение вещей в регионе, когда силы, поддерживаемые Западом применяют химическое оружие, а силы коалиции наносят удары по мирным гражданам, грубо нарушая суверенитет Сирии [6].

Россию попытались вовлечь и представить виновной в вопросе ветирования мандата ОЗХО-ООН, провоцируя определенную реакцию со стороны либерального общества в рамках СТ#4⁴, но своевременный ответ МИДа [8] и отсутствие активной протестной реакции привели к провалу стратегемы. Если бы Вашингтону удалось достичь желаемой реакции Москвы, то США могли бы извлечь пользу из новой волны осуждения действий России в Сирии.

16 ноября 2017 г., в ходе рассмотрения в СБ ООН предложенного Боливией российско-китайского проекта резолюции о дальнейшей судьбе механизма расследования ОЗХО-ООН, США и их союзники заблокировали проект, прекратив деятельность Специального механизма расследования (СМР). МИД России подчеркнул, что Вашингтону требовалось не продление и усиление СМР, а сохранения его как инструмента реализации национальных интересов [5]. При этом никто и не пытался опровергнуть доказательства и выводы российских профильных специалистов по деятельности СМР. Вместо этого, активно заявлялось о недопустимости вмешательства в «работу независимого механизма».

Готовность пожертвовать механизмом СМР, если нет возможности оставить его работу без изменений, аналогично стремлению при поражении (а отчеты СМР ОЗХО-ООН наглядно демонстрируют безрезультативность их

---

⁴ СТ#4. «В покое ожидать утомленного врага». Вовлечение противника в ненужное ему противостояние с тем, чтобы он постоянно тратил силы и ресурсы.

работы[9]) «минимизировать» неизбежные потери, в рамках «применения» СТ#11⁵ и СТ#21⁶.

Переговорный процесс

Противостояние в Сирии помимо военного аспекта носит еще и политико-дипломатический характер. Изначально большая часть переговоров шла в формате межсирийских переговоров в Женеве, под эгидой ООН. С начала 2017 г. более активным и результативным стал астанинский формат переговоров в Казахстане. Если в Женеве «бал правили» США и их союзники, то в Астане ключевыми игроками-инициаторами стали Россия, Турция и Иран. Эти три государства вместе смогли также усадить за стол переговоров представителей официального Дамаска и спикеров вооруженных группировок и оппозиционных фракций. Такой формат переговоров явно укладывается в тезисы СТ#15⁷: вместо прямого столкновения с США, Россия с союзниками нашла альтернативный и не менее эффективный (как показали зоны деэскалации) способ ведения переговоров.

19 ноября 2017 г. в Анталье (Турция) начались переговоры глав МИД России, Ирана и Турции, посвященные дальнейшему урегулированию сирийского кризиса[2]. За девять первых месяцев 2017 г. прошло 7 раундов астанинских переговоров. По их итогам налажена работа 4-х зон безопасности и сформулированы принципы трехстороннего механизма контроля за прекращением огня. Кроме того, одновременное участие Турции в НАТО и в «союзе» с Россией и Ираном, позволило Москве получить значительное преимущество перед Вашингтоном по сирийскому вопросу в

---

⁵ СТ#11. «Сливовое дерево засыхает вместо персикового». В случае неизбежной потери пожертвовать малым или подставным.

⁶ СТ#21. «Цикада сбрасывает свою золотую кожицу». В случае поражения отвлечь яркой, но пустой оболочкой.

⁷ СТ#15. «Сманить тигра с горы на равнину». Выманить противника из выигрышной позиции, вместо прямой атаки.

целом (СТ#8⁸) и фактически перехватить инициативу США в формировании будущего сирийского государства (СТ#30⁹).

Зоны деэскалации

В соответствии с переговорами, в Восточной Гуте, на некоторых территориях севера провинции Хомс, провинциях Идлиб, Латакия, Хама и Алеппо, а также на территориях провинции Дерья и Кунейтра были сформированы зоны деэскалации. Их целью - создание полос безопасности и установление условий для дальнейшего мирного процесса. В этих зонах прекращаются боевые действия и формируются основы для осуществления гуманитарной и медицинской помощи, а также для восстановления инфраструктуры [4].

Создание зон деэскалации согласуется со стратегемой «Если хочешь что-нибудь поймать, сначала отпусти» (СТ#16¹⁰), согласно которой, вместо того, чтобы загонять противника в угол, делая его крайне опасным, намного более разумным и дальновидным является создание условий, в которых он может верить, что не все потеряно и есть шанс вырваться.

Зоны деэскалации позволяют отделить силы умеренной оппозиции от боевиков Исламского государства[3] (организация, запрещенная в РФ), что в целом согласуется с тезисами СТ#20¹¹.

Действия США в Сирии

США на протяжении многих лет воюют с терроризмом и экстремизмом на Ближнем Востоке, но их успехи были крайне незначительными. Падение Исламского государства в Ираке и Сирии (организация, запрещенная в России) началось только после активного и действенного вмешательства

---

⁸ СТ#8. «Для вида чинить деревянные мостки, втайне выступить в Чэньцан». Получение преимущества неожиданным способом.

⁹ СТ#30. «Превратить роль гостя в роль хозяина». Перехват инициативы и изменение расстановки сил в свою пользу.

¹⁰ СТ#16. «Если хочешь что-нибудь поймать, сначала отпусти». Всегда необходимо позволять противнику считать, что у него есть шанс победить.

¹¹ СТ#20. «Ловить рыбу в мутной воде». Создание путаницы и замешательства среди врагов, для незаметного или неявного продвижения к цели.

российских ВКС с октября 2015 г., которые поддержали Сирийскую правительственную армию, союзные иранские подразделения и силы ливанской «Хезболлы». Последние полгода-год, западные СМИ (BBC, CNN, The Guardian и другие) активно стремятся показать значительную роль коалиции во главе с США в борьбе с терроризмом [12]. Активная информационная пропаганда позволяет оттенить неактивность противостояния с ИГИЛ последние несколько лет. Такая позиция соответствует СТ#29¹²: создается приукрашенная реальность в отношении исключительности сил США и их союзников. Из побед коалиции извлекается максимальная, в первую очередь, политическая выгода, которая должна подтвердить «право» США участвовать и устанавливать свои условия для реализации послевоенного миростроительства в Сирии (СТ#9¹³ и СТ#7¹⁴).

Турция и учения НАТО в Норвегии

17 ноября 2017 г. президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган прокомментировал факт использования его имени и портрета Кемаля Ататюрка на штабных учениях НАТО «Трехзубое копьё – 2017» (“Trident Javelin 2017”) для обозначения условного противника[10]. Это не первый инцидент, произошедший между Турцией и Северо-атлантическим альянсом за последние полгода. Несмотря на извинения со стороны руководства НАТО и лично генерального секретаря Йенса Столтенберга, Анкара достаточно жестко отреагировала на произошедшее. Этот весьма «показательный» инцидент, который как считают в альянсе произошел «вследствие ошибки одного из сотрудников», был минимально или вообще не освещен в ведущих западных СМИ[13].

---

¹² СТ#29. «Украсить сухие деревья искусственными цветами». Скрыть собственные просчеты, приукрасив реальность.

¹³ СТ#9. «Наблюдать за огнем с противоположного берега». Получить максимальную выгоду, не вмешиваясь в дела того/тех, кто испытывает трудности.

¹⁴ СТ#7. «Извлечь нечто из ничего». Использовать пропаганду и дезинформацию для достижения максимальных результатов.

Для России подобные столкновения между традиционными партнерами выгодны. Усугублять кризис своими действиями нет нужды, но необходимо извлечь максимум из возможных последствий нового витка противоречий НАТО и Турции, реализуя, таким образом, принципы СТ#9¹⁵.

В целом видно, что все игроки придерживаются различных стратегем (явно или косвенно), которые являются специальной формой хитрости (в первую очередь военной, но также политической и дипломатической) и алгоритмом поведения для достижения скрытых целей с учетом психологии человека. Почти всегда, ведя информационно-психологическую войну, стороны так или иначе затрагивают такие стратегемы как СТ#12¹⁶ и СТ#35¹⁷. Первая предполагает использование любой возможности для потенциального ослабления противника с целью сохранения (или перехвата) инициативы. Вторая – использование не одной, а целой цепи, совокупности уловок, хитростей, политических и дипломатических шагов для достижения собственных целей.

Представленные примеры демонстрируют использование специальных алгоритмов поведения для достижения скрытых, неявных целей. Любая стратегема включает в себя комплекс мер по обману и дезинформации потенциального противника. Понимание применяемых против государства хитростей, позволяет предугадать возможные цели и последствия. В свою очередь это предоставляет возможность разработать правильную форму противодействия, в том числе и за рамками стратегемы.

Список источников и литературы:

---

¹⁵ СТ#9. «Наблюдать за огнем с противоположного берега». Получить максимальную выгоду, не вмешиваясь в дела того/тех, кто испытывает трудности.

¹⁶ СТ#12. «Увести овцу легкой рукой». Использовать любую возможность, чтобы уязвить/ослабить противника.

¹⁷ СТ#35. «Стратегема “цепи уловок”». Использование нескольких стратегем для достижения максимального результата.

1. Военные хитрости: 36 китайских стратагем. Информационно-аналитический портал о Китае China-INC.ru. 30.01.15. – Режим доступа: http://china-inc.ru/news/voennye_khitrosti_36_kitajskikh_stratagem/2015-01-30-238 (дата обращения: 31.05.2017)
2. Главы МИД России, Турции и Ирана обсудят дальнейшую судьбу Сирии // Сайт РИА «Новости» 19.11.17. – Режим доступа: <https://ria.ru/syria/20171119/1509100917.html> (дата обращения: 31.12.2017)
3. Лаврентьев: Зоны деэскалации помогут отделить оппозицию от ДАИШ // Сайт «Российская Газета». 03.05.17. – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/05/03/lavrentev-zony-deeskalacii-pomogut-otdelit-oppoziciiu-ot-daish.html> (дата обращения: 31.05.2017)
4. Меморандум о создании зон деэскалации в Сирийской Арабской Республике. Сайт МИД России. 06.05.17. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2746041 (дата обращения: 30.05.2017)
5. МИД РФ: вся ответственность за прекращение работы миссии ОЗХО-ООН по Сирии лежит на США. Сайт ТАСС. 17.11.17. – Режим доступа: <http://tass.ru/politika/4739325> (дата обращения: 29.11.2017)
6. МИД Сирии: Ракка оккупирована международной коалицией. Сайт Российская Газета. 30.10.17. – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/10/30/mid-sirii-rakka-okkupirovana-mezhdunarodnoj-koaliciej-vo-glave-s-ssha.html> (дата обращения: 31.10.2017)
7. Минобороны: Госдеп признал использование террористами химоружия в Сирии // Сайт «Российская Газета». 20.10.17. – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/10/20/minoborony-oproverglo-soobshchenie-gosdepa-o-bombardirovках-idliba.html> (дата обращения: 31.10.2017)
8. О комментарии «Таймс» «Путин одобрил применение химического оружия» // Сайт МИД России. 31.10.17. – Режим доступа:

<http://www.mid.ru/nedostovernie-publikacij/>

[/asset_publisher/nTzOQTrrCFd0/content/id/2926952](http://asset_publisher/nTzOQTrrCFd0/content/id/2926952) (дата обращения: 31.05.2017)

9. Эксперт по химоружию: у России нет оснований доверять материалам по Сирии // Сайт РИА «Новости». 25.10.17. – Режим доступа: https://ria.ru/radio_brief/20171025/1507518845.html?inj=1 (дата обращения: 12.01.2018).

10. Эрдоган: Турция и турецкий народ были мишенью на учениях НАТО в Норвегии // Сайт ТАСС. 19.11.17. – Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4741890> (дата обращения: 12.01.2018).

11. Putin has endorsed chemical weapons. Hamish de Bretton-Gordon. The Times. 26.10.17. – Режим доступа: <https://www.thetimes.co.uk/edition/comment/putin-has-endorsed-chemical-weapons-hhxxz6hct7> (дата обращения: 12.01.2018).

12. Raqqa: US-backed forces declare 'total liberation' of ISIS stronghold. Arwa Damon, Ghazi Balkiz, Laura Smith-Spark. CNN. 20.10.17. – Режим доступа: <http://edition.cnn.com/2017/10/20/middleeast/raqqa-syria-isis-total-liberation/index.html> (дата обращения: 31.10.2017).

13. Turkey abandons Nato drill over portrayal as the enemy // BBC News. 17.11.17. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/world-europe-42031131> (дата обращения: 31.12.2017).

14. Кулябина Л.Н. Правые радикалы в странах северной европы: от мигрантофобии к евроскептицизму и нордической солидарности // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 1 (15). С. 54-66

15. Ястребова А.Ю., Анисимов И.О. Право внешних сношений. Москва, 2017.

Петрова А. В.

Магистр Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации,
petrova.anastasja.v@gmail.com

A. Petrova

Master's Degree Student of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
petrova.anastasja.v@gmail.com

**Роль официального дискурса в конструировании модели
двухстороннего взаимодействия (на примере российского и
американского подходов к сирийскому регулированию 2011-2016 гг.)**

**Role of Official Discourse in Construction of Pattern of Bilateral Relations (on
Example of Russian and US Approaches towards Syrian Settlement in 2011-
2016)**

Аннотация: В статье предлагается рассмотреть российско-американское взаимодействие по сирийскому урегулированию через призму теории конструктивизма. Анализируя официальный дискурс России и США в период с 2011 по 2016 гг., автор предполагает, почему с точки зрения конструктивизма, взаимодействие России и США по Сирии во время администрации Б.Обамы не могло иметь так называемый «эффект перетекания» в другие сферы и положить начало более масштабному сотрудничеству двух стран. Методы критического дискурс-анализа позволяют определить доминирующую модель взаимодействия России и США как модель соперничества. Статья демонстрирует, как эта модель конструируется через официальный дискурс посредством использования метафор и манипулятивных средств, в том числе и при освещении тех вопросов, где на практике присутствуют элементы сотрудничества.

Ключевые слова: российско-американские отношения, Сирия, дискурс, Россия, США, официальный дискурс, политический дискурс

Abstract: The article represents an attempt to examine US-Russian interaction in the context of Syrian settlement through constructivist approach. Analyzing US and Russian official discourse of 2011-2016, the author explains why, from the point of view of constructivism, US-Russian cooperation on Syria could not have the so called “spill-over effect” on other spheres and lead to full-scale cooperation of two countries. Methods of discourse analysis allows to define the dominating pattern of US-Russian relations as a competitive one. The article demonstrates how this pattern is constructed in official discourse through the use of metaphors and other manipulative tools, including by covering those issues that include elements of real cooperation between Russia and US on the ground.

Key words: US-Russian relations, Syria, discourse, Russia, USA, official discourse, political discourse

В российской академической и политической среде российско-американское сотрудничество по Сирии во времена администрации Б.Обамы, как правило, встречало позитивные и оптимистичные оценки. В частности, во время визита госсекретаря США Джона Керри в Москву в мае 2013 г., министр иностранных дел России С.В.Лавров заявил, что в ходе переговоров «Мы почувствовали с американской стороны стремление всемерно развивать наши отношения в сфере экономики, в сфере политического диалога, в сотрудничестве на международной арене. Мы полностью такой настрой разделяем» [1]. Однако, впоследствии так называемого «эффекта перетекания», т.е. распространения сотруднических отношений на другие сферы не произошло, а взаимодействие по Сирии так и осталось точечным и

ограниченным. В связи с этим возникает потребность в объективной оценке качества и перспектив российско-американского сотрудничества, чтобы избежать завышенных ожиданий и чрезмерного оптимизма в отношениях с США. Конструктивистский подход позволяет сделать попытку оценить качество российско-американского взаимодействия, изучая основные стереотипы восприятия сторонами друг друга, транслируемые ими через официальный политический дискурс.

Под официальным дискурсом в рамках данной статьи понимаются официальные политические документы и выступления по линии глав государств и внешнеполитических ведомств. Согласно подходу А.Вендта, посредством дискурса акторы выстраивают структурный контекст взаимоотношений, т.е. ту совокупность стереотипов и идей, которые формируют поведение государств на международной арене в рамках конкретных внешнеполитических ситуаций. В качестве case-study выбран сирийский кризис, так как он представляет собой наиболее показательный пример роли официального дискурса в формировании модели отношений между двумя государствами и позволяет оценить, как с помощью дискурса акторы могут конструировать выгодную для себя картину мира, описывая одну и ту же ситуацию противоположно, а иногда и абсолютно зеркально.

Сотрудничество и соперничество в российском и американском дискурсе по сирийскому урегулированию

Наиболее явно роль дискурса в конструировании модели взаимодействия проявляется в том, как стороны освещали те вопросы, которые представляли собой факты действительного сотрудничества на местах. Несмотря на то, что в реальности сотрудничество между Россией и США по данным вопросам имело место, в дискурсе оно находило зеркальные или ассиметричные оценки.

Урегулирование кризиса, связанного с применением химического оружия в Сирии, в 2013 г., сейчас представляется одним из успешных примеров точечного сотрудничества между Россией и США в период гражданской войны в Сирии. Это отмечается в Обзоре внешнеполитической деятельности России за 2013 г., опубликованном на сайте МИД России. В Обзоре, в частности, указывается, что «выработка Москвой и Вашингтоном совместных подходов позволила выйти на прорывные решения о постановке сирийского химоружия под международный контроль с целью его последующего уничтожения» [2]. Т.е. в документе указывается на прямую зависимость между урегулированием конкретной кризисной ситуации, которая могла перерасти в крупный многосторонний конфликт [3] и способностью России и США к сотрудничеству. И президент России В.В.Путин, и министр иностранных дел России С.В.Лавров, в контексте данной темы, апеллируя к американской стороне, употребляют термины «партнеры» и «коллеги» [4], что свидетельствует о том, что Россия настроена на практическое сотрудничество с США в рабочем формате.

Однако стоит отметить, что В.В.Путин, комментируя ситуацию с химическим оружием в Сирии, говорил больше об ответственной позиции сирийских властей и двустороннем российско-сирийском сотрудничестве [5], чем о роли российско-американского сотрудничества в урегулировании. В.В.Путин подчеркивал не столько важность сотрудничества между Россией и США для урегулирования, сколько важность невмешательства США (в первую очередь, военного), которое может вынудить Асада отказаться от присоединения к Конвенции ОЗХО. Так, В.В.Путину принадлежит фраза: «безусловно, всё это имеет смысл и сможет функционировать только в том случае, если мы услышим, что американская сторона и все, кто поддерживает США в этом смысле, отказываются от применения силы» [16].

Что касается американской стороны, то Б.Обама говорит не о сотрудничестве с Россией, а о том, что Россия выразила желание

присоединиться к международному сообществу в его усилиях, направленных на то, чтобы Ассад отказался от химического оружия. Желание РФ присоединиться аериканская сторона объясняет двумя причинами: конструктивными переговорами Б.Обамы и В.В.Путина и реальной угрозой со стороны США применить военную силу [12]. Примечательно, что силовую угрозу Б.Обама ставит на первое место, что можно рассматривать как один из инструментов манипулирования по Т. ван Дейку [6]. Акцент на силовой угрозе показывает, что США не склонны считать Россию равным партнером по переговорам, а тяготеют к использованию определенных инструментов принуждения в отношении России. Показательно в этом плане и заявление Госсекретаря Дж.Кэрри, который, выступая на совместной пресс-конференции с С.В.Лавровым, заявил следующее: «Я абсолютно уверен, что именно эта комбинация из силовой угрозы и желание продолжать переговоры помогли нам достичь урегулирования» [13]. Т.е. несмотря на то, что Россия в американском дискурсе выступает в качестве «заинтересованного партнера» [13], Дж.Кэрри так же продвигает идею о том, что, во-первых, США были инициаторами поиска дипломатического урегулирования кризиса, а во-вторых, что именно неотвратимость военной угрозы со стороны США способствовала тому, что удалось оперативно приступить к переговорному процессу.

Среди сфер конструктивного взаимодействия между Россией и США выделяется также сфера сотрудничества по линии военных ведомств. Так, в 2015 г., выступая на заседании дискуссионного клуба «Валдай», В.В.Путин отзывается о взаимодействии по этому вектору в довольно позитивном ключе: «В рамках антитеррористической операции постепенно, хотя и не так активно и быстро, как нам хотелось бы, но все же налаживаются контакты по линии военных ведомств. <...> Главное, воспринимать друг друга как союзника по общей борьбе, вести себя честно и открыто» [7]. В этом заявлении представляется возможным выделить два ключевых момента.

Первый состоит в том, что Россия хотела бы, чтобы налаживание контактов с США проходило более интенсивно, а второй – в необходимости воспринимать друг друга как союзников, ведущих общую борьбу, а не как конкурентов. Последнее – самоочевидно, но факт его произнесения позволяет предположить, что у российской стороны есть сомнения и опасения по поводу «честности» и «открытости» американских военных.

О важности такого сотрудничества говорит и официальный представитель МИД России М.В.Захарова, выступая на брифинге МИД России в июне 2016 г.: «Именно сопряжение действий по линии военных может привести к соответствующим результатам и дальнейшему продвижению» [8]. Однако М.В.Захарова обращает внимание на феномен «самоотрицания» [8] в политике США: “ Мы понимаем, почему это происходит – получается не очень красиво, отговаривая всех от взаимодействия с Россией, взаимодействовать с ней самим” [8].

Что касается американского дискурса, то действительно в выступлениях Б.Обамы понятие «military-to-military cooperation» встречается очень редко, и совершенно в другом тоне, нежели в российской риторике. Так, выступая на пресс-конференции в августе 2016 г. Б.Обама в ответ на вопрос о возможностях сотрудничества между военными ведомствами России и США (примечательно, что это был именно ответ на вопрос от журналиста, т.е. сам Б.Обама эту тему не затрагивал) заявил: «Мы прекрасно понимаем, что Россия намерена поддерживать режим и политика, который убивает население собственной страны, который разрушил собственную страну, чтобы удержаться у власти. <...> Но с другой стороны, если у нас есть возможность добиться действительного прекращения огня, которое позволит избежать массовых бомбардировок, позволит защитить гражданское население, позволит обеспечить доступ гуманитарных организаций и даст возможность начать сложную работу по политическому урегулированию, тогда мы должны попытаться» [14]. Можно говорить о том, что Б.Обама

рассматривает возможность такого сотрудничества как крайнюю меру, на которую придется пойти ради надежды на урегулирование, но при этом он явно выражает свое неодобрение. Более того, такая позиция выглядит как определенная попытка оправдать вероятное российско-американское сотрудничество.

Метафоры как средство формирования политической картины мира

Важным инструментом формирования модели взаимодействия являются метафоры, к которым стороны прибегают в своих выступлениях, о чем пишет Д.Лакофф [11]. Контент-анализ позволил выделить две сферы, выражения из которых чаще всего встречаются в российском и американском дискурсе. Это сферы театра и игры в шахматы. Более подробные данные по употреблению метафор можно увидеть в таблице:

	Сфера заимствования	
	Шахматы	Театр
Россия	1. «расставлять фигуры на ближневосточной доске» [7]. 2. использования террористов в качестве «пешек в сомнительных геополитических играх» [10].	«Сегодня мы с вами участвуем в одной из самых странных мизансцен в истории Совета Безопасности ООН» [9].
США	«Это не какой-то шахматный поединок между сверхдержавами. И тот, кто определяет события так, недостаточно внимательно следит за тем, что происходит на этой шахматной доске» [15].	

Таблица 1. Примеры использования метафор в российском и американском дискурсе по сирийскому урегулированию.

Использование метафор позволяет оценить качество взаимодействия между сторонами и то, как они сами воспринимают друг друга. Рациональным кажется предположение о том, что в терминах «игры» мыслят соперники, а не партнеры, так как игра всегда предполагает наличие

выигравшей и проигравшей стороны. Соперники нацелены на то, чтобы обыграть друг друга, а не на совместный поиск решения проблемы. Использование выражений из сферы театра говорит о высоком уровне недоверия между сторонами, а также о том, что они склонны видеть в действиях другой стороны не искренние усилия по урегулированию кризиса, а некий постановочный спектакль, только создающий видимость поиска решения. Таким образом, используемые лингвистические средства также способствуют формированию вектора соперничества в российско-американской модели взаимодействия.

Анализ официального дискурса России и США, посвященного тем вопросам, которые традиционно воспринимаются как примеры сотрудничества между двумя странами, позволил прийти к следующим выводам:

1. Дискурс является значимым инструментом конструирования реальности, и в том числе модели двусторонних отношений: он позволяет актерам выстроить такую систему взаимодействия, где примеры реального сотрудничества могут быть представлены как примеры соперничества, что будет усиливать общий сопернический климат взаимодействия сторон.

2. Дискурс позволяет представить элементы сотрудничества как примеры победы одной стороны над другой, т.е. создать модель «игры с нулевой суммой».

3. С точки зрения конструирования модели российско-американского взаимодействия посредством дискурса важно учитывать и то, что некоторые элементы сотрудничества не находят своего отражения в официальных выступлениях. В частности, умалчивание и отрицание важности совместной работы с Россией со стороны США свидетельствует о нежелании США допускать в дискурс элементы сотрудничества, т.е. говорит о желании сохранять вектор на соперничество и конкуренцию.

4. На лингвистическом уровне стороны также тяготеют к тому, чтобы воспринимать друг друга как соперников, так как они мыслят в категориях «игры в шахматы», где, как известно, неизбежно присутствует победитель и проигравший. Метафоры из сферы театра, так же используемые сторонами, говорят о том, что они с недоверием и подозрительностью относятся к действиям другой стороны и не воспринимают их как искренние и действительно направленные на поиск решений проблемы сирийского урегулирования.

Таким образом, на уровне официального дискурса можно четко проследить, что сотрудничество России и США по Сирии с крайне малой степенью вероятности могло перерасти в более масштабное сотрудничество и иметь «эффект перетекания» для других сфер, так как для сторон характерно восприятие друг друга как соперников, а не как партнеров.

Список источников и литературы:

1. Вступительное слово министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе встречи с Госсекретарем США Дж.Керри, Москва, 7 мая 2013 года. – Режим доступа: <https://www.rus.rusemb.org.uk/foreignpolicy/629> (дата обращения: 23.02.2017)
2. Обзор МИД России «Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2013 году». – Режим доступа: <http://bit.ly/2kc95tt> (дата обращения: 22.02.2017)
3. Лукьянов Ф. Между глобальным успехом и региональными неурядицами /Ф.Лукьянов // Россия в глобальной политике. 2013. №5. С.5-6.
4. Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова газете «Коммерсант», 30 сентября 2013 года. – Режим доступа: <http://bit.ly/2zD9F6a> (дата обращения: 21.01.2017)

5. Путин В.В. Комментарий по ситуации с химическим оружием в Сирии (10.09.2013 г.). – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/19194> (дата обращения: 21.01.2018)
6. См.: Тён А. ван Дейк. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. Изд. стереотип. - М.: Книжный дом «Либроком», 2014. 344 с.
7. Владимир Путин на заседании клуба «Валдай». Текст выступления. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2678406> (дата обращения: 23.02.2017)
8. Брифинг официального представителя МИД России М.В.Захаровой, Москва, 2 июня 2016 года. – Режим доступа: <http://bit.ly/2ngvXcm> (дата обращения: 23.02.2017)
9. Россия заблокировала в СБ ООН французский проект резолюции по Сирии // ИНТЕРФАКС. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/531675> (дата обращения 20.04.2017 г.)
10. Приветствие Министра иностранных дел России С.В.Лаврова участникам V конференции Ближневосточного диалога Международного дискуссионного клуба «Валдай». – Режим доступа: <http://bit.ly/2AhS7Qj> (дата обращения: 23.02.2017).
11. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We live By. - University of Chicago Press, 1980.
12. Obama B. Address to the Nation on U.S. Military Action in Syria delivered 10 September 2013, Washington, D.C. – Режим доступа: <http://bit.ly/2ce5JA6> (дата обращения 19.04.2017 г.)
13. Kerry J. Remarks with Russian Foreign Minister Sergey Lavrov after their Meeting (14.09.2013 г.). – Режим доступа: <http://bit.ly/2AJiwYq> (дата обращения: 23.02.2017)

14. Obama B. Post Security Council Meeting Press Conference on ISIL delivered 4 August 2016, Pentagon, Arlington, Virginia – Режим доступа: <http://bit.ly/2i3ptrY> (дата обращения: 23.02.2017).

15. Obama B. Press Conference on Outgoing and Incoming Education Secretary, The Economy, Congress, Syria, Putin, Gun Control, and Pope Francis delivered 02 October 2015, White House, Washington, D.C. – Режим доступа: <http://bit.ly/2AJy9z6> (дата обращения: 22.02.2017)

16. Путин В.В. Ответы на вопросы журналистов (31.08.2013 г.). – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/19113> (дата обращения 19.04.2017 г.)

Мальев В. В.

Магистрант Института международных отношений и мировой истории
Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского
mr.pasechnikov@yandex.ru

V. Malev

Master's Degree Student of the Institute of international Relations and
World History of the Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod
mr.pasechnikov@yandex.ru

Консолидация США и стран-членов ЕС в рамках трансатлантических отношений в области обороны

USA and EU Consolidation of Transatlantic Military Relations

Аннотация: Перспективы многоаспектного взаимодействия США и ЕС являются двойственными по своей сути. Характерной чертой такого взаимодействия является развитие двусторонних отношений между США и каждой страной-членом ЕС в отдельности. Автор рассматривает перспективы и риски создания структур-дублеров НАТО. В статье рассматривается рост консолидации США с партнерами по НАТО в Восточной Европе. В результате исследования дается оценка данного амбивалентного процесса в рамках уже сформированной системы безопасности.

Ключевые слова: США, ЕС, НАТО, трансатлантические отношения, ПРО, американо-германские отношения.

Abstract: Perspectives of manifold cooperation of the USA and the EU are ambiguous. A specific feature of this cooperation is the development of bilateral relations between the USA and each member-state of the EU. The author distinguishes perspectives and risks of foundation of NATO's duplicates. The increase of consolidation of the USA and its allies in Eastern Europe is examined

in this article. The estimation of this ambivalent process in frames of the current security system is given in the article as a result of this research.

Key words: the USA, the EU, NATO, transatlantic relations, missile defense system, German-American relations.

Коррекции во внешнеполитической линии США в отношении Европы.

Страны-члены ЕС и США испытывают трудности в формировании тактики и стратегии взаимодействия в современных условиях. Популистские заявления Президента США Д. Трампа в отношении эффективности НАТО и повышения роли европейских партнеров в финансовом обеспечении данного альянса являются эксплицитными аспектами стратегии США в отношении Европы. Безусловно, компетенцию на формирование собственной внешней политики ЕС сформировал еще в 1990-е гг. Однако функции обеспечения безопасности были и остаются прерогативой НАТО как «ключевой фигуры» в Европе в сфере обороны. Безусловно, НАТО является альянсом, в котором доминируют интересы США.

Соответственно можно выдвинуть гипотезу о том, что при ассиметричной зависимости субъектов международных отношений менее зависимые субъекты могут использовать систему отношений для лоббирования своего варианта решения споров по развитию стратегии реализации коллективных интересов в рамках интересующей международной проблемы. В случае военной взаимозависимости отношения субъектов могут быть отождествлены с игрой «с ненулевой суммой», что означает, что любое решение субъектов будет иметь как негативные, так и позитивные для них последствия (определяется уровнем зависимости субъектов в системе отношений). Трансатлантические отношения могут быть рассмотрены в рамках данной гипотезы.

Следует отметить, что НАТО необходимо рассматривать и как средство обороны, и как инструмент управления интересами стран-членов альянса. Так, если предположить, что определенные напряженности на границах России созданы намеренно, дабы предотвратить ее политическое сближение с ЕС, ракурс анализа может быть существенно скорректирован. США могли пойти на такой шаг, дабы обеспечить консолидацию интересов стран-членов НАТО и упредить возможное отклонение понимания их национальных интересов от коллективных интересов альянса. Также существует дихотомическое деление интересов стран-членов альянса по признаку лояльности интересам доминирующего субъекта - США. «Союзники по НАТО разделены в своих взглядах в отношении России, среди них те (например, Франция, Германия и Италия), которые утверждают, что альянс должен стремиться к стратегическому партнерству с Москвой, и те (например, Польша и страны Балтии), предупреждающие, что Россия до сих пор представляет угрозу»[4].

Чтобы укрепить свои позиции в странах Восточной Европы, которые наиболее лояльны интересам доминанта, и реализовать «выравнивание интересов» стран-членов НАТО, США решили воссоздать свое былое присутствие в Европе путем создания новой стратегической программы, название которой можно перевести как «Европейская инициатива перестраховки» (European Reassurance Initiative). Данная программа была инициирована после воссоединения Крыма с РФ, что было расценено в странах Европы и США как агрессия и послужило поводом для начала программы. «Главными задачами данной инициативы являются: наращивание присутствия, проведение учений и тренировок, улучшение всеобщей готовности и интероперабельности с союзниками и партнерами США, увеличение предварительного развертывания войск, улучшение инфраструктуры, увеличение потенциала партнерства»[7].

Следует отметить, что с каждым годом инвестиции в эту программу увеличиваются. Это говорит о заинтересованности США в наращивании своего влияния в регионе. Безусловно, сдерживание России в данном случае является предлогом для дислокации войск и убеждения союзников в нависшей угрозе.

Тем не менее, несмотря на то, что дискуссии о неэффективности НАТО, как политического инструмента, ослабли, в США сохраняются сомнения о работоспособности алгоритма работы ПРО. В Министерство Обороны США был прислан меморандум Гринерта-Одиерно «Изменение стратегии в сфере ПРО», в котором военные призвали пересмотреть стратегию ПРО. «По мнению авторов меморандума, есть возможность разработать долговременную стратегию, учитывающую приоритеты и национальной, и региональной ПРО, целостный подход, более устойчивый и экономически эффективный, включающий в себя средства ПРО, применяемые «до пуска» ракеты (left-of-launch) и другие некинетические средства ПРО»[2]. В итоге Конгресс США учел предложения и требования военных, были выставлены предложения по изменению алгоритма системы ПРО и рациональном распределении расходов на функционирование системы.

Более того, в 2015 г. представители США заявили, что партнеры по ПРО должны также участвовать в обеспечении системы. Следует отметить, что страны Восточной Европы являются «плацдармом» для реализации США в стратегии консолидации интересов. В данном случае следует отметить Польшу. Эта страна является наиболее важной с точки зрения European Reassurance Initiative и реновации системы ПРО в Европе.

Речь Президента Д. Трампа в Варшаве может быть расценена и как очередной популистский ход и как напоминание о том, что европейские страны имеют крепкие связи с США в разных сферах, в том числе по линии НАТО, и соответственно должны активнее материально участвовать в

обеспечении стабильного функционирования системы безопасности. Также, в отношении Польши Д. Трамп сделал следующее обещание. «Мы поддерживаем крепкие связи в сфере торговли. Мы выступаем за поддержание доступа Польши к альтернативным источникам энергии, дабы Польша и ее соседи не были заложниками одного поставщика энергоресурсов»[8]. В данном случае акцент делается на влияние России по продаже газа, США намерены увеличить поставки сжиженного газа в Европу, на что правительство Польши позитивно отреагировало, несмотря на высокие цены таких поставок. Также было упомянуто, что США и их европейские партнеры будут вместе противодействовать усилению влияния России в регионе. В связи с этим Польша планирует усилить собственную систему ПВО и для этого приобретает у США системы ПВО Пэтриот (Patriot).

Таким образом, США не просто намерены консолидировать усилия союзников по Европе, разыграв вновь сценарий об агрессии с Востока, но и переложить на них часть нагрузки по содержанию коллективной обороны [3]. Заявления Президента США в Польше о коллективной борьбе с терроризмом являются лишь очередным способом указать европейским странам на их положение в сформированной системе безопасности и доказать им, что плодотворное сотрудничество в данной борьбе возможно лишь в рамках крепких трансатлантических связей. Данный аспект предполагает доминирование США в этом взаимодействии и отсутствие каких-либо инициатив и проявления самостоятельности со стороны союзников. В отличие от администрации Обамы, которая с некоторой отдаленностью участвовала в европейских процессах интеграции и поддержания в актуальном состоянии системы безопасности, администрация Д. Трампа более активна и намерена вновь провести агрегацию разрозненных национальных интересов союзников в Европе.

Инициативы ведущих стран-членов ЕС по обеспечению безопасности в регионе и их позиция по НАТО.

Наиболее сильным членом ЕС является ФРГ, которая *de facto* частично определяет стратегию союза по многим вопросам. Однако именно в ФРГ есть амбивалентность в формировании, как национальных интересов, так и коллективных интересов в рамках ЕС и НАТО. Относительно национальных интересов следует выделить противоречивость, с которой немецкие власти отреагировали на потоки беженцев с Ближнего Востока и Северной Африки. Безусловно, принятие такого количества людей с иными представлениями об обществе оказало негативное влияние на безопасность ФРГ и других членов союза. В ЕС существует наднациональный орган внешней разведки и контрразведки: Разведывательный и ситуационный центр ЕС (РСЦ ЕС; European Union Intelligence and Situation Centre). «Аналитические отчеты РСЦ ЕС базируются на информации спецслужб стран-членов ЕС, открытых источниках, информации из дипломатических посольств и консульств, международных организаций, НКО, миссий и операций ОПБО, Спутникового центра ЕС и других источников»[6]. Данный аналитический центр имеет много источников информации, однако его кадрового состава и полномочий не хватает, дабы координировать работу национальных разведок, обеспечивать обмен информацией, вести борьбу с терроризмом. В данном случае спец-службы предпочитают работать на национальном уровне и не вступать в кооперацию. Причиной этому может быть и то, что ЕС как политический союз так и не сформировался, несмотря на все ожидания продиктованные неофункционализмом.

В Германии как ведущем субъекте ЕС существуют сомнения по поводу вовлеченности США в процесс обеспечения европейской безопасности. Уместно в данном случае упрекнуть США в солипсизме и активизации НАТО из-за кризиса в Украине. Более того, отношения двух союзников были подорваны, в том числе, по причине скандалов, связанных со слежкой за

гражданами ФРГ. Протест канцлера был недолговременный. «Тем не менее, вслед за беспрецедентной для германо-американских отношений высылкой из Берлина официального представителя ЦРУ, ФРГ в июле 2014 г. до минимума сократила сотрудничество между разведками двух стран, которое будет продолжено только в области обеспечения безопасности немецких военнослужащих за рубежом и защиты от террористических угроз»[1]. Многие решения внутри союза принимаются при поддержке Германии, соответственно и кооперация по борьбе с терроризмом может встретить затруднения.

Следует также отметить скептиков по НАТО, выступающих за создание общеевропейской армии. Однако эта идея несостоятельна по нескольким причинам. Во-первых, создание дублеров НАТО может и будет отвечать лишь интересам стран Европы, что, безусловно, имеет положительный аспект, но с точки зрения временных и финансовых затрат данный проект не рентабелен. Во-вторых, делегирование полномочий стран на наднациональный уровень встречает противодействие по причине большой вероятности потери национальными правительствами роли в процессе принятия совместных решений. Более того, противоречия между некоторыми странами-членами ЕС, например, между ФРГ и Польшей, могут быть причинами кризиса интеграции и невозможности разработки совместных проектов в рамках союза.

В данном случае следует выделить антиномию, которая сложилась в политическом истеблишменте ФРГ. Германия желает продолжать развивать и европейскую интеграцию, сохраняя свои позиции, но в тоже время и развивать трансатлантические отношения. С одной стороны, большинство политиков, в том числе и Меркель, по большому числу вопросов поддерживают США. Например, несмотря на противоречия, глава немецкой разведки Б. Каль заявил в ноябре 2017 года, что именно Россия является силой, которая намерена разрушить трансатлантические отношения, и является значимой

угрозой для стабильности в регионе. Эти заявления проходят на фоне крепких и обширных экономических связей между Россией и Германией. С другой стороны, некоторые политические инициативы США не выгодны Германии в экономическом и политическом плане, либо идентифицируются одной из сторон как неосуществимые.

Некоторые приверженцы европеизма в ФРГ высказываются за более конструктивное сотрудничество внутри ЕС, чтобы преодолеть все обозначенные ранее противоречия. В этой связи А. Меркель на годовщине Римской декларации заявила: «Мы желаем безопасную и защищенную Европу, это означает, что мы должны лучше защищать наши внешние границы. Все взяли на себя обязательство в Риме реализовывать эти цели вместе, может быть с разными скоростями, но в одном направлении»[5]. Также А. Меркель отметила, что Европа должна совместными силами бороться с терроризмом, в том числе, на Ближнем Востоке.

Тем самым, атлантизм в отношениях США и Германии будет превалировать и далее по нескольким причинам. Во-первых, одной из главных задач не только США, но и ФРГ является обеспечение существования коллективного Запада, и как системы безопасности, и как цивилизационного формирования. Во-вторых, ФРГ экономически тесно взаимосвязано с США, а экономика всегда является определяющим фактором для политики, тем более для идеологически солидарных субъектов. В-третьих, так называемая «Willkommenspolitik», проводимая А. Меркель, столкнулась с ростом конструктивной критики внутри страны. Таким образом, внутривнутриполитически слабая на данный момент Германия будет ограничена в своих внешнеполитических инициативах.

Таким образом, анализ ассиметричной модели взаимозависимости подводит к следующим выводам. Безусловно, элементы данной системы получают преференции в виде коллективной обороны и сотрудничества по совместному противодействию международным угрозам.

Однако вместе с тем присутствует частичное ограничение суверенитета, а также дополнительная нагрузка на экономику более зависимых стран со стороны господствующего элемента. Тем не менее, несмотря на формальное наличие признаков турбулентности, система не достигла точки бифуркации и продолжает функционировать.

Список источников и литературы:

1. Кокеев, А.М. Трансатлантические отношения во внешней политике Германии // Мировая экономика и международные отношения. 2015. Т.59, № 11. С.38-46.
2. Криволапов, О.О. Перспективы финансирования программ ПРО США до 2020 г. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 9 (573). С.103-117.
3. Тимакова, О.А. Новый этап трансформации НАТО // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. №4. С. 35-41.
4. Daalder, I. H. Responding to Russia's Resurgence. Not Quiet on the Eastern Front // Foreign Affairs. 2017. Vol.96, No.6. P.30-38.
5. Europa ist unsere gemeinsame Zukunft. Der Reisebericht der Bundeskanzlerin A. Merkel, Rom, 25. März 2017. – Режим доступа: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Reiseberichte/2017-03-24-merkel-in-rom.html> (дата обращения: 09.01.2018)
6. Factsheet on EU Intelligence Analyses Center (INTCEN) / European Union Delegation to the United Nations, 2015. – Режим доступа: <http://eu-un.europa.eu/factsheet-on-eu-intelligence-analyses-center-intcen/> (дата обращения: 10.01.2018)
7. Pellerin, Ch. 2018 Budget Request for European Reassurance Initiative Grows to \$4.7 Billion / Ch. Pellerin // DoD News, Defense Media Activity.– Режим доступа: <https://www.defense.gov/News/Article/Article/1199828/2018-budget-request-for->

[european-reassurance-initiative-grows-to-47-billion/](#) (дата обращения: 09.01.2018)

8. Remarks by President Trump to the People of Poland, Warsaw, July 6, 2017. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/07/06/remarks-president-trump-people-poland-july-6-2017> (дата обращения: 11.01.2018)

Лабуткин Н.С.

Магистр Факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
Npolitology@gmail.com

N. Labutkin

Master's Degree Student of the Faculty of World Politics of Lomonosov
Moscow State University
Npolitology@gmail.com

**Африканская архитектура мира и безопасности: современное состояние,
проблемы и перспективы**

**African Peace and Security Architecture: Contemporary State, Problems and
Prospects**

Аннотация: Процесс разрастания и трансформации угроз миру и безопасности как один из основных трендов XXI столетия, обусловил необходимость коллективного подхода для их преодоления, в частности на уровне отдельных регионов. Одной из недавних в исторической перспективе систем обеспечения региональной безопасности стала запущенная Африканским союзом (АС) в 2003 г. инициатива Африканской архитектуры мира и безопасности (ААМБ). В рамках данной статьи автором были рассмотрены основные элементы ААМБ; была дана оценка эффективности операций АС по поддержанию мира; выявлены основные проблемы, связанные с развертыванием Африканских сил постоянной готовности (АСПГ) в зонах конфликта на континенте.

Ключевые слова: безопасность, Африка, миротворчество, конфликты, региональные экономические сообщества, ААМБ, АСПГ

Abstract: Process of overgrowth and transformation of threats to international peace and security as one of the main trends of XXI century determined the need of collective approach to counter them, particularly on a regional level. One of the recent systems of regional security in historical scope became an African Union's initiative - the African Peace and Security Architecture (APSA) launched in 2003. Within the frameworks of this article the author examined main APSA's elements; evaluated effectiveness of African Union's peace-supporting operations; identified problems, concerning deployment of the African Security Forces (ASF) in conflict zones within African continent.

Key words: security, Africa, peace building, conflicts, RECs, APSA, ASF

Проблемы континента и Африканский союз

Африка является лидером по числу конфликтов, проходящих на территории отдельных государств континента. По информации Программы университета Уппсала, в 2015 г. вооруженные столкновения происходили на территории 15 государств Африканского континента. В это же время в Азии военные конфликты охватывали территории 6 государств, на Ближнем Востоке – 5[12].

По данным Управления ООН по наркотикам и преступности, Африка остается вторым в списке производителей и потребителей марихуаны, одной из ключевых логистических точек в процессе незаконного оборота наркотиков, в частности, кокаина[1].

Кроме того, высокий уровень конфликтного потенциала в Африке обуславливается нищетой, проблемами водообеспеченности, а также политической, социальной и гендерной депривацией населения. На этом фоне необходимость обеспечения безопасности континента становится очевидной. Ключевым институтом, в рамках которого осуществляется

политика в области противодействия существующим в Африке проблемам, является Африканский союз (АС).

Основные положения, регламентирующие отношения государств-членов АС в сфере обеспечения безопасности, содержатся в Учредительном акте АС 2000 г.; Протоколе об учреждении Совета мира и безопасности АС от 2002 г.; Торжественной декларации об общей оборонной политике и политике безопасности АС от 2005 г.; Дорожной карте ААМБ 2016-2020 от 2015 г.; Дорожной карте АСПГ 2016-2020 г. от 2015 г.

«Право Союза на вмешательство во внутренние дела государства-члена с одобрения Ассамблеи в случае возникновения серьезных обстоятельств, а именно: военных преступлений, геноцида, преступлений против человечности» прописано в ст. 4 Учредительного акта АС. Реализация права АС на вмешательство предполагает наличие системы коллективной безопасности на континенте.

В феврале 2004 г. в этом направлении была принята Торжественная декларация об общей оборонной политике и политике безопасности Африканского Союза, ставшая концептуальным документом в области безопасности и обороны стран Африки. В тексте данной Декларации закрепляется принцип коллективной ответственности стран, выраженный в формуле: «безопасность каждой африканской страны неотделима от безопасности других африканских стран и Африки в целом» [9].

Процесс выстраивания системы континентальной безопасности под началом АС базируется на реализации ряда многосторонних программ, осуществляемых Департаментом мира и безопасности Совета мира и безопасности. В настоящее время реализуются 6 программ. Инициатива Африканской архитектуры мира и безопасности (ААМБ), замыкающая на себе вопросы, связанные с организацией общеконтинентальной системы обороны и безопасности, является системообразующей.

Структурна Африканской архитектуры мира и безопасности

Проект ААМБ был запущен со вступлением в силу в декабре 2003 г. протокола о создании СМБ. Целью реализации ААМБ является создание общеконтинентальной системы взаимодействия африканских государств по вопросам безопасности [8]. Основным столпом ААМБ является СМБ, деятельность которого поддерживается рядом других структур. Наряду с Советом особую роль в Африканской архитектуре мира и безопасности играют «Совет мудрецов», Фонд Мира, АСПГ и Континентальная система раннего предупреждения (КСРП).

Если Совету отводится роль координирующего (СМБ взаимодействует по профильным вопросам с СБ ООН, Комитетом по вопросам политики и безопасности ЕС, Комитетом по вопросам политики и безопасности ЛАГ) и направляющего органа, в чью компетенцию входит, в частности, выдача мандатов на проведение миротворческих операций, то «Совет мудрецов» (PanWise) представляет собой консультативный орган при СМБ, в чьи задачи входит подготовка экспертных докладов по профильным вопросам СМБ [8].

Фонд мира формируется из взносов государств-членов АС, а также за счет обложения всего импорта в Африку ставкой 0,2%. Бюджет фонда составляет 325 млн. долл. США с планами достижения отметки в 400 млн. долл. США к 2020 г. [10]. Его ресурсы используются в целях осуществления миротворческих операций и иных мероприятий в области обороны и безопасности [10, с 27].

КСРП представляет собой сеть информационных центров, специализирующихся на сборе и анализе данных с мест, выработке рекомендаций к принятию решений по тем или иным вопросам, сотрудничестве и обмену информацией между АС и региональными экономическими сообществами. Компоненты КСРП рассредоточены по Африке и действуют при существующих региональных объединениях на уровне: Межправительственной организации по развитию Восточной

Африки (CEWARN); ЭКОВАС (ECOWARN); Восточноафриканского сообщества (EACWARN); Общего рынка Восточной и Южной Африки (COMWARN); Экономического сообщества стран Центральной Африки (MARAC); Сообщества развития Юга Африки (Информационный центр).

Деятельность субъектов ААМБ

Основными инструментами ААМБ в сфере урегулирования и предотвращения конфликтов в регионе являются дипломатические инструменты, медиация и операции по поддержанию мира. По данным доклада Института исследования мира и безопасности за 2016 г. из 67 конфликтов, подходящих по своим характеристикам для вмешательства со стороны субъектов ААМБ, Африканский союз и Региональные сообщества вмешались в 28[2]. В докладе даются высокие оценки деятельности субъектов ААМБ. Акцент делается на инструментах дипломатии, медиации.

Дипломатические инструменты[2, с. 31] применялись в частности в Ливии, Марокко, Нигере, Южном Судане и др. Африканский союз и ЭКОВАС осуществляют дипломатическую поддержку деятельности Мультинациональной объединенной оперативной группы (МООГ¹⁸) по борьбе с Боко-Харам. Действия субъектов ААМБ имели определенное влияние на деэскалацию конфликта в ЦАР в части противодействия, так называемой, «Антибалаке» (вооруженное ополчение христиан и последователей традиционных верований).

Медиация имела место в Гамбии и Гвинее-Биссау в процессе организации выборов в этих странах и разработке дорожных карт развития государств [2, с. 32]. В Судане были организованы попытки медиации между воюющими сторонами по линии Имплементационной группы высокого уровня.

---

¹⁸ Нигерийский проект 1994 г. для борьбы с Боко-Харам; сейчас в ней участвуют Бенин, Камерун, Чад, Нигер и Нигерия

К операциям по поддержанию мира (ОПМ) относятся [2, с. 34]: операция в Сомали (АМИСОМ), деятельность МООГ против Боко-Харам, деятельность Региональной группы по противодействию Господней армии сопротивления (LRA), миссия ЭКОВАС в Гвинее-Биссау (ЭКОМИБ), гибридная миссия ООН и АС в Дарфуре (ЮНАМИД). Гражданская и техническая миссии были развернуты по линии САДК в Лесото. ЭКОВАС начала операцию в Гамбии в 2017 г. - ЭКОМИГ (реформы, тренировка ВС Гамбии). Летом 2017 г. совместно с Францией был запущен формат «Силы большой пятерки Сахеля» (Чад, Буркина-Фасо, Мавритания, Мали, Нигер) в целях противодействия терроризму и наркотрафику, решения проблемы беженцев, проведения гуманитарных операций.

Анализ деятельности данных ОПМ, с учетом имеющейся информации относительно дальнейших планов их функционирования [2, с. 35], свидетельствует в пользу отсутствия достаточной проработанности системы отношений между субъектами ААМБ (в рамках АМИСОМ проявилось недостаточное взаимодействие национальной армии и миротворческих сил в борьбе с аш-Шабааб); отсутствия достаточных полномочий у действующих ОПМ (у представителей ЮНАМИД в Дарфуре нет доступа к конфликтным зонам, отсутствует возможность провести проверку по обвинению правительства Судана в применении химического оружия против мирного населения).

Ключевыми проблемами, препятствующими реализации ОПМ можно обозначить нехватку финансовых средств в рамках АС и зависимость операций АС от внешних доноров. По данным официальных представителей АС, война в Сомали обходится правительствам участвующих стран в 45 млн. долл. США ежемесячно сверх затрат, заложенных в бюджеты миссий, что создает непомерную нагрузку и вынуждает государства принимать менее активное участие в проведении оборонной политики, рассчитывать на помощь европейских партнеров [7]. Порядка 75% бюджета ААМБ

формируется за счет внешних источников по линии ЕС, ООН, за счет двусторонних договоренностей [11]. Можно предположить, что именно сокращения выплат Брюсселем АС и в 2016 г. на 20% [6] повлияло на то, что в 2016 - 2017 гг. некоторые региональные сообщества свернули свои миссии, отдельные страны заявили об ограничении своего участия в операциях. Так, Уганда объявила о выводе своих сил из состава региональных группы по противодействию Господней армии сопротивления [2, с. 36].

Африканские силы постоянной готовности.

АСПГ представляют собой группы быстрого реагирования, рассредоточенные по Африканскому континенту, выполняющие военные, полицейские и гражданские функции. Основная задача состоит в оперативном реагировании на кризисные ситуации на континенте. На востоке – механизм Восточноафриканские силы постоянной готовности; центр – экономическое сообщество стран Центральной Африки (ЭКОЦАС); запад – Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС); север – механизм Североафриканских региональных сил; юг – Сообщество развития Юга Африки (САДК) [3, с. 23].

С момента запуска инициативы АСПГ существовали преимущественно на уровне устных заявлений и принимаемых деклараций, а сроки развертывания самих групп в кризисных районах неоднократно переносились. Заявление о полной готовности АСПГ было сделано в июне 2016 г. в соответствующей Декларации АС [5]. Однако до настоящего момента АСПГ еще не задействовались в конфликтных регионах.

Основными проблемными сферами развертывания АСПГ и функционирования их временного аналога, действующего с 2013 г. - «Африканских сил кризисного реагирования» являются: финансирование (ситуация идентична той, что мы описали в части про ОПМ, т.к. источники финансирования одни); недостаточный уровень доверия и конкуренция за

первенство между рядом стран (например, в Восточной Африке за первенство борются Кения и Эфиопия, а по данным Оценочного доклада около 80% всех конфликтов в Африке в 2016 г. были связаны с национальным могуществом, субрегиональным доминированием, идеологией и ресурсами [2, с. 15]); акцент на внутренних угрозах (государства в распределении своих ВС оставляют наиболее подготовленные для противодействия внутренним проблемам).

Таким образом, в рамках ААМБ был достигнут значительный прогресс в развитии институциональной и правовой базы. Основные проблемы деятельности отдельных структур, в частности АСПГ и миротворческих миссий, находятся в области финансирования, механизмов взаимодействия и обмена информацией, чувствительности к вопросу суверенитета.

Список источников и литературы:

1. Всемирный доклад о наркотиках 2016: резюме // Управление ООН по наркотикам и преступности. – Режим доступа: https://www.unodc.org/doc/wdr2016/WDR_2016_ExSum_russian.pdf (дата обращения: 29.12.2017).
2. APSA Impact Report 2016 // Institute for Peace and Security Studies, Addis Ababa University. – Режим доступа: http://www.ipss-addis.org/y-file-store/resources/publication/20161110_apsa_impact_report_final.pdf (дата обращения: 28.12.2017)
3. APSA Roadmap 2016-2020 // African Union Peace and Security. – Режим доступа: <http://www.peaceau.org/uploads/2015-en-apsa-roadmap-final.pdf> (дата обращения: 26.12.2017)
4. Constitutive Act of the African Union // African Union. – Режим доступа: https://au.int/sites/default/files/pages/32020-file-constitutiveact_en.pdf (дата обращения: 28.12.2017)

5. Declaration of 9th Ordinary Meeting of the Specialized Technical Committee on Defence, Safety and Security // Official Site of the Peace and Security Department of the African Union. – Режим доступа: <http://www.peaceau.org/uploads/9th-stcdss-final-declaration-english-.pdf> (дата обращения: 29.12.2017)

6. European Union Amisom funding to continue despite cut // The East African. April 30, 2016. – Режим доступа: <http://www.theeastafrican.co.ke/news/European-Union-Amisom-funding-to-continue-despite-cut-/2558-3183206-q793hb/index.html> (дата обращения: 28.12.2017)

7. Koigi B. African Union's Somalia mission hit by UN funding cut // Euractiv, February, 2016. – Режим доступа: <https://www.euractiv.com/section/development-policy/news/african-union-s-somalia-mission-hit-by-eu-funding-cut/> (дата обращения: 24.12.2017)

8. Protocol relating to the establishment of the Peace and Security Council of the African Union // Peace and Security Department of the African Union. – Режим доступа: <http://www.peaceau.org/uploads/psc-protocol-en.pdf> (дата обращения: 21.12.2017)

9. Solemn Declaration on a Common African Defence and Security Policy // Peace and Security Department of the African Union. – Режим доступа: <http://www.peaceau.org/uploads/declaration-cadsp-en.pdf> (дата обращения: 28.12.2017)

10. The AU's new funding model to focus on preventing conflicts // Peace and Security Council Report, 6 October, 2016. – Режим доступа: <https://issafrica.org/pscreport/addis-insights/the-aus-new-funding-model-to-focus-on-preventing-conflicts> (дата обращения: 28.12.2017)

11. Understanding the African Standby Force, rapid deployment and Amani Africa II // Institute for Security Studies. – Режим доступа:

<https://issafrica.s3.amazonaws.com/site/uploads/4-11-2016-ASF-Amani-Media-Toolkit1.pdf> (дата обращения: 23.12.2017)

12. Uppsala conflict data program // Uppsala Universitet. – Режим доступа: <http://www.pcr.uu.se/research/UCDP/> (дата обращения: 28.12.2017)

Скобелев А. В.

Магистрант Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского
alexskobelev@yandex.ru

A. Skobelev

Master's Degree Student of the Institute of international Relations and World History of the Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod
alexskobelev@yandex.ru

Особенности гибридных войн в современных международных отношениях

Peculiarities of Hybrid Warfare in Contemporary International Relations

Аннотация: В статье рассматривается проблема трансформации войны и проводится анализ основных особенностей феномена гибридной войны, прослеживается взаимосвязь между уровнями и акторами подобных конфликтов, объясняются предпосылки для возникновения феномена гибридных войн в современных международных отношениях, затрагивается вопрос гибридной природы украинского конфликта, рассматриваются варианты дальнейшего распространения данного явления.

Ключевые слова: трансформация войны, гибридная война, международный конфликт, новые угрозы, информационная война, украинский конфликт.

Abstract: The article centers around the issue of war transformation, it contains the analysis of the main peculiarities of hybrid wars, investigates the interconnection between the levels and actors of such conflicts, the prerequisites for the appearance of that phenomenon in the modern international relations,

besides it touches upon the hybrid nature of the Ukrainian crisis and includes the assumption about further development of hybrid wars.

Key words: transformation of war, hybrid warfare, international conflict, new threats, information war, Ukrainian conflict

Последние десятилетия народы Земли сталкиваются с новыми вызовами и угрозами, что не может не менять их представлений о войне. Как только закончилась разрушительная Вторая мировая война и была создана Организация Объединенных Наций, человечество объединил порыв предотвратить дальнейшие катастрофы и создать такую систему, в которой война была бы исключена как феномен. По сути своей структура международных отношений действительно изменилась. Долгие попытки создать определенный свод правил войны привели к созданию «запрета на войну» и был создан специальный орган в ООН, чьей основной целью и стало поддержание мира и противостояние угрозам миру – Совет Безопасности. В добавление к этому, в международной жизни появился новый фактор, игнорировать который не представлялось возможным, – изобретение и ускоренное развитие ядерных вооружений. Данный фактор кардинально изменил расстановку сил в мире и начал работать сразу в двух направлениях: как элемент устрашения и как сдерживающая сила.

За последние десятилетия существенно изменилась расстановка и политических сил на международной арене. Так, после окончания Холодной войны и краха биполярного мира, устанавливается многополярность. Согласно трудам Р. Кохейна и Д. Ная, которыми была разработана концепция комплексной взаимозависимости, в противовес традиционной иерархии вопросов мировой политики, в которой ведущую роль играют вопросы военной силы и безопасности, актуальным становится новое представление о растущей взаимозависимости между государствами на разных уровнях. В

этой ситуации роль военной компоненты заметно снижается, эффективность использования военной силы для достижения национальных интересов значительно падает. Каким же образом это отразилось на природе войны?

С одной стороны, снижение значимости военного фактора дало государствам возможность для взаимодействия и координирования своих интересов на международной арене. При этом, как уже было отмечено ранее, ядерный щит также сводил практически на нет возможность новой масштабной войны под угрозой гибели человечества. Роль конвенциональной военной мощи начала снижаться. Однако это вовсе не привело к тому, что такое явление, как война исчерпало свою значимость в международных отношениях. Образование новых геополитических и геоэкономических «неосвоенных» пространств, неразрешенные локальные внутренние и международные конфликты, появление иных акторов международных отношений наряду с государствами – все это способствовало трансформациям войны, появлению новых угроз, усилившейся турбулентности в мировой политике. Поэтому сейчас на смену обычной конвенциональной войне пришли новые формы войн.

Уже довольно давно ведется разговор об этой самой трансформации классической войны в некую «современную форму», а из-за событий последних лет он становится еще более актуальным. Война перестает рассматриваться как классическое столкновение между вооруженными силами противников. А вот термин «гибридная война» завоевывает все большее внимание политических экспертов. Он появился сравнительно недавно и пока еще не имеет единого определения, что существенно усложняет процесс его интерпретации и применения при описании тех или иных конфликтов.

Однако всё же большинство экспертов сходятся в том, что данный феномен является сложным и многоуровневым. Гибридной эта война называется потому, что имеет в своей структуре сразу несколько уровней

воздействия на противника. Важен также тот факт, что эти уровни состоят в тесной взаимосвязи друг с другом. Ранее считалось, что эти уровни ограничиваются лишь военным и информационным. Однако, как показывает практика, этим технологии ведения гибридной войны не исчерпываются. Они могут быть расширены социальной дестабилизацией, политическим давлением, немаловажную роль играет фактор экономического воздействия. И необходимо отдельно подчеркнуть то факт, что если раньше военные конфликты могли иметь в своей структуре некоторые черты «гибридности», то сегодня наоборот конвенциональные (то есть негибридные) войны являются скорее исключением из правил. Официальные вооруженные силы государств не являются единственными силовыми акторами в гибридной войне. Разумеется, ограниченный контингент может быть использован для выполнения отдельных быстрых операций, но чаще акцент делается либо на силы специального назначения либо на иррегулярные формирования (чаще всего без опознавательных знаков и документов).

Необходимо также подчеркнуть, что гибридная война является сложным системным феноменом еще и потому, что принимающие в ней участие акторы – это не только государства. Так, например, возрастает роль частных военных компаний («Академия» в Сирийском конфликте), различных экстремистских группировок, чья деятельность слабо регулируется центральным правительством («Правый сектор» в Украине), а также международных террористических организаций.

Другой характерной чертой гибридной войны является то, что она чаще всего имеет затяжной характер, так как организуется не для уничтожения противника (то есть его вооруженных сил), а для его ослабления либо иных целей. Часто для этого используются иррегулярные формирования или силы специального назначения, которые ведут подрывную деятельность на территории противника, нанося урон в стратегически важных точках или выводя из строя критическую

инфраструктуру. Однако для тех же целей могут с не меньшим успехом быть использованы и внутригосударственные акторы, перечисленные выше.

С другой стороны, не все из перечисленных акторов или форм воздействия могут быть применены в конкретном конфликте. Их выбор зависит от потенциала конкретного конфликта, геополитических особенностей региона, мощностей во всех сферах, которыми обладает страна-жертва и т.д. При этом уже в ходе самого конфликта акторы, на которых делался акцент в начале, могут быть заменены на другие. Отсюда мы можем сделать вывод, что еще одной ключевой особенностью подобного рода войн является вариативность.

Так концепция гибридной войны уже используется во внешнеполитическом курсе США. В данном случае гибридная война разгорается в результате реализации концепций не прямых действий, «управляемого хаоса» в сочетании с экономической и информационной войной. Примечательно то, что сами американские политологи применяют термин гибридная война в несколько другом отношении. Очень часто делается ссылка на то, что гибридные угрозы исходят, прежде всего, от государств, чья конвенциональная мощь несопоставима с мощью США, а, следовательно, им приходится прибегать к так называемым необъявленным или тайным войнам. Так, например, в 2014 году в Белой Книге «Противодействие нетрадиционной войне»[2] к таким странам относят Россию и Иран. Таким образом, можно заключить, что феномену гибридной войны свойственна значительная степень неопределенности.

Наиболее очевидным и злободневным примером гибридной войны сегодня является – украинский конфликт. Вооруженный конфликт на востоке Украины – это вполне закономерное следствие тех политических процессов, которые происходят сегодня в мире. Следует отметить, что данный конфликт имеет довольно глубокие корни, сложную структуру и свои отличительные особенности, одна из которых заключается именно в его «гибридной»

природе. Не удивительно, что термин гибридная война стал использоваться наиболее активно именно применительно к ситуации вокруг Крыма[3].

Российской Федерации приписывается роль агрессора в новой «гибридной войне», которую она развязала против суверенного государства Украина. В связи с этим выпускаются брошюры по противодействию подобного рода угрозе со стороны России. Американское издание «Зе Нэшнл Интерес» опубликовало материал, в котором говорится о выпуске структурами Пентагона пособия по противостоянию «гибридной войне, которую ведёт Россия». Речь идёт фактически об учебнике для американской армии, который носит название «Российская война нового поколения» [1]. С другой стороны, целесообразно будет отметить, довольно эффективную работу зарубежных акторов в данном вопросе. Информационная составляющая гибридного конфликта играет порой решающую роль в его успешном воплощении и достижении целей. Вмешательство в конфликт становится гораздо менее очевидным, если перевести большую часть ответственности на другого участника конфликта. Делается это, вполне очевидно, информационными и политическими методами: от обвинений в нарушении международного права до целенаправленных провокационных обвинений в разжигании международной вражды.

Следует подчеркнуть, что Москве пришлось вести игру по условиям, продуманным и воплощенным Вашингтоном. В итоге сейчас Россия имеет сложно разрешимый затяжной конфликт непосредственно на своей границе. Усложняют ситуацию и накаливание общегосударственных антироссийских настроений на территории Украины, политика этнотерроризма и политическая нестабильность в стране.

Получается, что США сумели добиться практически всех задуманных целей в рамках данного конфликта, а именно: создать предпосылки для укрепления своего влияния в регионе, сдерживать развитие России и

ослабить ее связи с Европой, получить потенциальный рынок для поставки вооружений и т.д.

Главное преимущество «гибридной войны» – многоуровневое целенаправленное влияние на локальный конфликт ради достижения собственных интересов и избежание при этом международно-правовой ответственности. Развязывая гибридную войну, государство инициатор получает в итоге возможность управлять данным конфликтом до достижения им уровня интенсивности, который соответствует интересам данного актора. В Украине данная технология была применена практически с максимальной эффективностью, и мы можем сделать вывод, что война на востоке Украины вписывается в рамки гибридной войны и обладает всеми основными особенностями, которые свойственны этому современному явлению международных отношений.

Принимая во внимание основные особенности гибридных войн, мы можем сделать вывод, что данный тип международных конфликтов может нести существенные угрозы для национальной безопасности отдельных государств и международной безопасности в целом, что мы можем наблюдать на примере современного украинского конфликта. Деструктивный характер таких конфликтов приводит к появлению зон политической, экономической и социальной нестабильности. При этом традиционные усилия мирового сообщества по предотвращению гибридных войн уже успели продемонстрировать свою ограниченную эффективность. Международное право также не регулирует данное международное явление в необходимой мере, лишь отдельные его элементы. Таким образом, следует сделать вывод, что благодаря эффективности ведения гибридной войны для достижения своих интересов, а также из-за особенностей современной структуры международных отношений число подобных конфликтов в будущем может существенно возрасти, а их структура может стать еще более сложной. Поэтому необходимо в кратчайшие сроки выработать и

применять эффективные методы противодействия новым вызовам и угрозам, с которыми сталкивается государство прямо или косвенно участвующее в гибридной войне.

Список источников и литературы:

1. Опубликована американская брошюра о методике противодействия «российской гибридной войне» // Военное обозрение. – 5.11.2017. – Режим доступа: <https://topwar.ru/125704-opublikovana-amerikanskaya-broshyura-o-metodike-protivodeystviya-rossiyskoy-gibridnoy-voyne.html> (дата обращения: 28.12.2017)
2. Counter-Unconventional warfare. White Paper // United States army special operations command. – 5.11.2017. – Режим доступа: <https://info.publicintelligence.net/USASOC-CounterUnconventionalWarfare.pdf> (дата обращения: 28.01.2018)
3. Russia and hybrid warfare – going beyond the label // Project “Russia and Hybrid Warfare: definitions, capabilities, scope and possible responses” report. – Режим доступа: http://www.helsinki.fi/aleksanteri/english/publications/aleksanteri_papers.html (дата обращения: 30.12.2017)

Давыдова Н. А.

кандидат исторических наук, доцент кафедры русского и других славянских языков Дипломатической академии МИД Российской Федерации,
Spin-код 2929-56-15
kafedra.russlav@dipacademy.ru

Natalia Davydova

Pd.D. (History), Associate professor of the Department of Russian and other Slavic Languages of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Spin code 2929-56-15
kafedra.russlav@dipacademy.ru

**Россия и Европа: национализм как угроза национальной
безопасности государств**

**Nationalism as a Threat to National Security:
cases of Russia and Europe**

Аннотация: XXI век внес свои коррективы в систему международных отношений, подведя их к опасной черте. С целью сохранения мира при решении назревших проблем в межгосударственных отношениях международному сообществу необходимо выработать новые конструктивные подходы в сфере всеобщей международной безопасности. Совершенствование гуманитарной деятельности - объективная необходимость и стратегически важная задача для всех государств планеты.

Ключевые слова: национальная безопасность, НАТО, косовский кризис, Югославия, сепаратизм, национализм, Россия, Запад, терроризм

Abstract: The twenty-first century has established new trends in international relations. To keep the peace of the international community needs to develop new approaches in solving urgent problems in international relations.

Improving of humanitarian activity is an objective necessity and strategically important task for all states in the world.

Key words: national security, NATO, Kosovo crisis, Yugoslavia, separatism, nationalism, Russia, West, terrorism.

Окончание противостояния двух сверхдержав - СССР и США в конце XX столетия - не привело к ликвидации источников конфликтности. За резким сломом общественно устройства в странах Центральной и Восточной Европы, роспуском Организации Варшавского Договора не последовала ликвидация военных структур НАТО, несмотря на то, что источники декларированных Западом «угроз» безопасности странам - членам этой организации со стороны СССР были устранены.

На международной арене создавались предварительные условия для новых реальных угроз международной стабильности и безопасности. Дисбаланс сил и интересов между отдельными государствами на европейском континенте, возникший после самоликвидации ОВД и утраты СССР его статуса сверхдержавы, внес значительные коррективы в систему международных отношений и в соотношение военно-политических сил. Это прежде всего выразилось в нарушении общего баланса военных сил в Европе [3, с. 327]. Бывшие союзники по Договору стали заявлять о себе как о новых военно-политических субъектах отношений с тенденцией сближения с Западом и его военными структурами. В связи с этим возникло множество очагов военных конфликтов на почве этнонациональных, территориальных противоречий в исторических зонах повышенной конфликтности [3, с. 326 — 327].

Геополитический удар, связанный с падением коммунистического режима в СССР и странах Восточной Европы, отозвался на Югославии. После роспуска Варшавского Договора и окончания «холодной войны»

отпала необходимость в существовании «сильной» и «нейтральной» Югославии как противовеса в противостоянии между блоками. Значительный военный потенциал и хорошо подготовленные вооруженные силы могли стать серьезной угрозой в регионе в условиях непредсказуемой военно-политической ситуации и перераспределения сфер интересов между новыми центрами силы - как внутри региона, так и за его пределами [3, с. 328]. Балканы в конце XX в. вновь напомнили о себе как об основном узле противоречий в Европе.

В каком бы измерении ни рассматривался югославский конфликт, какие бы версии зарождения и эскалации кризиса ни выстраивались, в любом варианте исследований фундаментальным и основным объектом является этнонациональный аспект конфликта. И не потому, что этот фактор был первопричиной кровопролитной и разрушительной развязки, а в силу того, что именно на Балканах этнонациональный компонент приобрел более глобальный смысл, аккумулировал многие проблемы современного мироустройства [3, с. 329].

События в Югославии выявили двойственное отношение международного сообщества к сепаратизму. Одним из источников этого двойственного отношения явилась международно-правовая неопределенность по вопросу о том, кто может быть носителем права на самоопределение: административно-территориальная единица, ранее входившая в единое государство, или народ [3, с. 329].

Распад Югославии стал наглядной иллюстрацией мощи националистического потенциала, подтвердив предположение о самостоятельной и лишь отчасти связанной с экономическим положением динамике национализма. Югославский пример доказал большее: даже очевидные достижения в преодолении экономического кризиса, которых страна добилась накануне гражданской войны, могут быть принесены в

жертву экономически бесперспективному удовлетворению национальных амбиций [2, с. 161].

Слом системы закономерно оставляет после себя вакуум, который достаточно быстро заполняется наиболее сохранившимися природными первичными формами социализации, - национальными. Вместе с тем структурное родство тоталитарного и националистического сознания (монизм, мифологизм, предустановленный примат общности над личностью) делает наиболее легким замещение классового мифа национальным. В результате ориентация на следование европейским образцам внешнеполитического поведения испытывает ощутимое давление «нациоцентристской» составляющей внешнеполитического курса.

Таким образом, Центральная и Восточная Европа объективно становятся полем противоборства двух ведущих тенденций: «европеизации» и «балканизации». Если приоритетным является приближение к формирующейся единой Европе с максимально быстрой интеграцией в ее структуры, императивом становится соблюдение принципов ОБСЕ и норм ЕС. В ином случае внешняя политика фактически сосредотачивается на национально-территориальных проблемах с соседями, воспроизводя тип международных отношений, свойственных XIX в. [2, с. 162].

В югославских событиях можно усмотреть много общего с процессами, происходившими в СССР и других восточноевропейских странах, важной чертой которых являются вспышки национализма. Поэтому межэтническая гражданская война в Югославии не была чем-то совершенно уникальным: достаточно вспомнить аналогичные конфликты на постсоветском пространстве, такие как карабахский, южно-осетинский, абхазский, приднестровский, осетино-ингушский, чеченский и др. [7, с. 151].

Современный глобальный мир сложно и противоречиво складывался на протяжении тысячелетий. Менялись социально-политическая организация человеческого общества, механизмы взаимодействия между народами. А

поскольку наследие прошлого так или иначе проявляется и сегодня, понять происходящее на планете можно только через обращение к историческому прошлому.

Нации и национализм

В конце XVIII в. при всем драматизме своего зарождения в интеллектуальной и политической жизни Европы национализм формируется как общеевропейское культурно-гуманистическое движение, способствующее раскрытию национальной самоидентификации, созданию новых социальных структур, развитию новых контактов в области торговли и культуры между отдельными областями, нациями и государствами. Это означает, что зарождение наций - вопрос, еще до сих пор полностью не решенный в мировой историографии [19] - рассматривалось современниками того времени как политический, социальный и культурный процесс, а возникшие национальные государства - как социально-этнические организмы. Язык, этническая территория, специфика культурной среды, по их мнению, были тесно связаны с переходом из феодального прошлого в капиталистическое будущее.

В тот период четко прослеживается определенная закономерность между уровнем консолидации новых национальных формаций и темпом освоения ими капиталистических методов управления в политике и торговле. Все это определяет различные по форме и результатам проявления национализма в XIX в. На основании этого можно провести разграничительную линию между западным и восточно-европейским национализмом [18, с. 335].

Если на Западе процесс национального объединения сопровождался объединением большого по численности и одинакового по своему национальному составу населения, то в странах Восточной Европы, наоборот, путем отделения национальности от когда-то большой империи [20, с. 67 — 70].

Дополнительным показателем в этом отношении является опережающее или сопутствующее национализму на Западе формирование национального государства, для которого приоритетом являются его политические характеристики; соответственно, отсутствие таких на Востоке приводит к длительному подчинению социально-политических функций национализма его культурно-этническим проявлениям и задачам [5, с. 329 — 331].

Главной целью политического национализма является достижение политического признания данной нации или государства другими. Исторические корни национализма лежат в политической концепции буржуазии о «национальном представительстве», которая в первой половине XVIII в. провозглашается как основополагающий лозунг парламентаризма. Национализм становится главной движущей политической силой XIX в., а пройдя через эмоциональные фильтры романтизма, - становится основой политической культуры отдельной личности, новым культурным базисом для практического применения [18, с. 336].

С другой стороны, возникнув как политический принцип, национализм начинает подвергаться смысловой спонтанной деформации, его начинают отождествлять с термином патриотизм - как объяснение в любви и привязанности к стране, в которой ты родился и живешь, в которой родились и жили твои великие соответственники - вроде Данте¹⁹ или Шекспира [15, с. 134]. Зарождение данного вида патриотизма, сформированного под воздействием мистического миропонимания, тесно связано с глубинным историческим опытом.

---

¹⁹ Данте при всей практической реакционности ряда своих политических утверждений и при всей иллюзорности своих оторванных от действительности оценок является одним из первых в итальянской литературе носителей общенационального сознания и патриотов национального государства. Недаром деятели национально-освободительного движения начала XIX века и борцы за освобождение Италии во главе с Джузеппе Мадзини объявляли его своим идейно-политическим предтечей. Национальной идеей проникнут и позднейший научно-философский трактат, на этот раз лингвистический и историко-литературный, «О народном языке», посвященный превознесению языка, основой которого служит речь родной автору тосканской области, призванной быть орудием общеитальянского национального сознания.

Первая половина XIX в. обозначена в европейской истории как «весна наций». Это определение делает акцент на росте национального самосознания особенно среди народов Центральной и Восточной Европы, которые в то время находились под властью Габсбургов и Османской империи. Национализм развивается через идеологию, от культурно-исторического к организованному политическому движению только тогда, когда движется к трем основным намеченным целям, которые теоретически можно разделить на три условных этапа:

- 1) освобождение от чужого господства;
- 2) объединение в рамках однородного этнического территориального государства;
- 3) политическая или культурная экспансия за пределами ее «культурных» границ.

В таких странах, как Россия, Англия и Франция, где формирование нации и государства происходило одновременно, эти процессы не были столь ярко выражены. В 1789 г. один из идеологов французской революции аббат Сийес (1748 — 1784 гг.) писал: «Нация - это союз индивидов, управляемых единым законом и одной законодательной ассамблеей», т.е. государство имеет приоритет над нацией.

По мнению французского философа Дени Дидро (1713 - 1784 гг.), индивиды должны объединяться во имя поддержания политического порядка, так как это в их интересах. Такой прагматичный общественный интерес закладывался в основу долгосрочной охраны порядка, а государство как субъект этого интереса становилось необходимым объектом лояльности. Те, кто разделял этот общий интерес, становились народом или нацией. Французская концепция рассматривала нацию как духовную общность, сформированную на базе добровольного участия [18, с. 338 — 339].

В 1767 г. (через 5 лет после вступления на престол) русская императрица Екатерина II пригласила Дидро в Россию и предложила

перенести печатание запрещенной во Франции «Энциклопедии» в Россию. Она выкупила у Дидро его личную библиотеку и сделала философа ее библиотекарем [19, с. 462].

Дидро называет русскую императрицу «деспотом», ставит диагноз («русское общество сгнило еще не созрев»), и констатирует, что «Россия обречена быть управляемой дурно в девятнадцати случаях из двадцати», «естественная свобода россиян сведена к нулю, а верховная власть не ограничена». Екатерина II так отреагировала на «Замечания» Дидро на ее «Наказ»: «Это сущая болтовня, в которой нет ни знания обстоятельств, ни благоразумия, ни предусмотрительности. Если бы мой наказ был бы в духе Дидро, он должен был бы перевернуть в России все вверх дном... Я много и часто разговариваю с Дидро, но не столько с пользой для себя, сколько из любопытства. Если бы я послушалась его, мне пришлось бы совершенно преобразовать и законодательство, и администрацию, и финансы для того, чтобы очистить место для невозможных теорий» [19, с. 466].

До конца жизни Дидро не прекращал нападков на религию и церковь, о чем свидетельствует его знаменитая «Молитва» (1754 г.), проникнутая тотальным неверием и безапелляционной иронией [19, с. 467].

Идеи просвещения в дальнейшем становятся популярными в Италии, Польше и Греции. В Польше, которая подобно Болгарии в данный период истории была лишена своей государственности, особенно популярными стали произведения Адама Мицкевича (1798 - 1855 гг.), в которых читалась искренняя вера в особую миссию польского народа, распятого подобно Христу, во имя свободы человечества. Польша должна была воскреснуть и возглавить не только всех славян, но и весь христианский мир [21, с. 23 — 38].

Отношение венгров к хорватам и румынам, поляков к украинцам и прибалтийским народностям, немцев к чехам и вообще к славянам, греков к болгарам является свидетельством достаточно быстро развернутого

идеологического высокомерия, которое фактически говорит о комплексе политической, а может быть и культурной нереализованности. Таким образом, политическое насилие, вскормленное национализмом как стратегическая необходимость, становится косвенным или прямым проявлением агрессии по отношению к схожим своей судьбой национальностям и государствам [17, с. 30 — 38].

Эти тенденции начали прослеживаться уже в 1848 г. Самым ярким проповедником идей национализма считается Джузеппе Мадзини (1805 — 1872 гг.). В этот период Италия была разделена. В ней властвовали испанцы, французы и австрийцы. Мадзини считал, что нужно объединить чувства итальянцев против экспансии иностранцев и сконцентрировать их в одном направлении - на борьбе за национальное освобождение и объединение. Он был убежден в особой миссии Италии. В то время умеренные взгляды в обществе преобладали, поэтому большинство народа не поддержало его идеи, а идею политического объединения посчитали неосуществимой мечтой [18, с. 340].

В Германии проблемы, связанные с национализмом, стояли очень остро, несмотря на то, что она не нуждалась в культурном возрождении (подобно Польше, Италии или Болгарии). На протяжении длительного времени Германия выполняла важную культурную миссию не только в Центральной, но и в Восточной Европе и имела значительные достижения в области литературы, искусства и образования.

Концепция о нации как об общности, сформированной на основе языка и культуры, становится популярной в конце XVIII в. благодаря научным трудам Гердера И. Г. (1744 — 1803 гг.), Новалиса (1772 — 1801 гг.), Фихте И.Г. (1762 — 1814 гг.) и др.

В отличие от французских революционеров, для которых понятие «нация» ассоциировалось с группой индивидов, подчиненных единому политическому порядку, немцы считали, что нации отличались одна от

другой «по воле Бога и природы». Каждая нация, по их мнению, обладала особым характером, тесно связанным с языком, который, в свою очередь, являлся основным каналом для выражения чувств, эмоциональных ассоциаций, символов и мифов. То есть говорить на одном языке - значит иметь общую культуру. Можно сказать, что эта концепция рассматривает нацию как выражение определенных аспектов Божественного [21, с. 341].

Сама же империя Габсбургов оставалась оплотом династической передачи власти и ярким противником любого национального самоопределения. В империи не получил распространения австрийский национализм, но немцы, венгры, итальянцы и поляки - четыре ведущих народа империи - чувствовали, что они выше других, не испытывая при этом особенно теплых чувств к друг другу [21, с. 342]. Это позволяло империи применять старое правило «разделяй и властвуй», которое сыграло свою роль во времена потрясений 1848 г.

В больших и многонациональных империях, таких как Россия, Турция и Австрия, националистические движения имели разную динамику развития. В России и Турции зарождение этих движений происходило на периферии. В Османской империи - это были Балканы, а в России - западные регионы.

В Австрийской империи националистические движения стали формироваться в центральных районах и тем самым угрожать империи распадом. В сущности, «панславизм» зарождается именно здесь. Его родоначальниками считались словацкие ученые Ян Коллар (1793 — 1852 гг.) и Йозеф Шафарик (1795 — 1861 гг.). Их основная цель - культурное возрождение славянства и развитие чувства общности и единства. Но славянский мир был безнадежно разделен по религиозному принципу на славян-католиков (поляки, чехи и хорваты) и славян православного мира, находящихся под покровительством России. Представители более мелких славянских народов (за исключением балканских) часто относились с недоверием к «амбициям» России, считая ее политику агрессивной. В тоже

самое время, находясь в границах Австрийской империи, словацкий национализм входил в противоречие с чешским, а чехи не доверяли полякам, хорваты - венграм [17, с. 71].

В Османской империи национализм развивался в трех направлениях:

- 1) вдохновлял балканских христиан на борьбу с целью избавления от османского господства;
- 2) подталкивал к борьбе против религиозной и светской эллинизации, которой греки старались покрыть духовную и административную жизнь христиан;
- 3) способствовал возрождению самобытных культур, приоткрыл историю возникновения и различия этнически смешанных народностей, населявших тогда Балканский полуостров.

Но так как эти только начавшие свое становление народности были очень маленькими и слабыми, сразу же возникал вопрос, а не попадут ли они после освобождения от Турции под влияние России или Австрии, которые были близкими соседями Турции в Европе.

История Греции, Сербии и Черногории - это примеры того, что достижение независимости возможно, если позволяет территориально-географическое положение. Все три находились достаточно далеко от центра управления Османской империи.

В Сербии, которая завоевала независимость в 20-х гг. XIX в. в рамках «Белградского пашалыка» (Старая Сербия), у власти находилась династия Обреновичей. Отдаленность от центров турецкой власти и разгоревшийся там сербский национализм родил идею о Великой Сербии - объединенном центре балканских славян. В 1867 г. князь Михаил Обренович, один из самых видных правителей этой династии, сумел добиться согласия у Османской империи на вывод военных гарнизонов из Сербии. Это событие подняло его авторитет среди балканских народов, которые смотрели на него, как на опору своих собственных освободительных движений. Заключив союз с Грецией и

Черногорией и получив подкрепление болгарской революционной эмиграции, он рассчитывал возглавить южнославянскую федерацию. Но эта идея не получила своего воплощения в XIX в. В 1868 г. Михаил Обренович был убит, а его последователи не смогли реализовать его мечту, так как они были лишены таких организаторских способностей, храбрости и политического опыта. Несмотря на это, успехи румын, греков и сербов - «наследников» Турции показали, что они не хотят находиться ни под властью Австрии, ни под властью России. Зарождение болгарского освободительного движения только подтвердило этот вывод [6, с. 344 — 365].

Россия стала единственным государством, которое развивало свой собственный национализм. Опираясь на старую традицию - православие - как защиту от «опасных» западных идей, национализм принимает форму т. н. «славянофильства». «Славянофильство» и его наследник - «панславизм» - рассматривается как интеллектуальная основа русского национализма. На официальном уровне национализм находит свое отражение в политике русификации населения, которая получила поддержку во времена Николая I, ослаблена при Александре II и вновь усилилась после польского восстания 1863 года.

Профессор А.Г. Задохин в своем научном исследовании «Внешняя политика России: национальное сознание и национальные интересы» пишет: «Необходимо отметить, что славянофильские и панславистские настроения в российских элитарных кругах не распространялись на всех «братьев славян», несколько в стороне оказывались славяне-католики. Причем к полякам определенные круги общества относились крайне отрицательно, видя в них причины русских бед в прошлом и настоящем. И это при том, что в состав России входили земли, населенные поляками. Объяснение этому явлению можно найти в длительном историческом противостоянии русских племен и поляков на территориях, которые являются сейчас западными областями

Российской Федерации (Брянская, Калужская и Смоленские области) [1, с. 95].

Конфликт двух народов продолжался в течение нескольких столетий, когда происходило формирование польского и протороссийского государства. Результатом явились соответствующие стереотипы русского и польского национальных сознаний [7, с. 123].

Итак, XIX век вносит в традиционный российский миф новое содержание: идею единения всех славян под эгидой России. Кроме того, что идея «византийского наследства» носила в себе элемент претензий России на вселенский характер ее политики, в славянофильской школе придают ей еще и определенное этнокультурное содержание. Это выражается в создании и обосновании концепции единения «всех славян» перед экспансией романо-германского мира.

В концепции панславизма центральное место занимает оппозиция: «Россия - Европа». Объективно данная оппозиция стимулировала национальную самобытность, создавала тот потенциал разнообразия, который в конечном итоге и являлся необходимым и закономерным условием развития. Но необходимо отметить, что несмотря на то, что идеи славянофилов способствовали развитию национального сознания, пониманию собственной культуры и ее самодостаточности, панславистская доктрина как часть этих идей вступила в противоречие с реальной жизнью. Освобождение славянских народов Балкан с участием России не привел к ожидаемому результату - объединению «всех славян». Напротив, проявились противоречия между ними, в том числе и в их отношениях с Россией [1, с. 103].

Новым в оппозиции «Россия - Запад» в середине XIX в. стала тема Востока. До этого можно было говорить лишь о расплывчатом ощущении Востока как источника внешних опасностей, а также мира чуждому русскому христианству. Причем негативное отношение непосредственно к миру

ислама формировалось под влиянием Европы, для которой этот мир являлся основным врагом. Россия же стремилась так или иначе ужиться с ним или инкорнировать его в свое пространство [11, с. 10 — 11].

В частности, философ К.Н. Леонтьев обращал внимание на существование серьезных противоречий между славянскими народами и был против сближения. Более того, он считал вполне возможным союз России не только с Турцией, но и со всем мусульманским миром [9, с. 14 — 17].

Актуализация образа Востока явилась общественной реакцией на разочарование европейской моделью общественного устройства или, скорее, на неудачные попытки применить эту модель в России. Это явилось новым этапом в понимании собственного российского «Я» - осознанием того, что, несмотря на определенное сходство с западной культурой, в России есть нечто близкое восточной. Причем в этом виделся и стимул к развитию, и вызов миру Запада [1, с. 75].

В XXI веке в сложившихся условиях одна из приоритетных задач обеспечения национальной безопасности России заключается в том, чтобы не только не допустить интернационализации любого конфликта как на российской территории, так и в «ближнем зарубежье», но и полностью исключить возможность создания очагов напряженности вдоль российских границ [3, с. 397].

Своеобразие современной ситуации состоит в том, что весь мир сегодня пользуется плодами просвещения, которое принесло с собой распространение западной цивилизации. И только Запад еще продолжает смотреть на мир со своей узко местнической точки зрения, которую другие культуры уже давно преодолели. Раньше или позже Запад будет вынужден отказаться от идеи «евроцентризма» и переориентировать политическое мировоззрение, потому что казавшееся недавно неодолимым наступление Запада по всем позициям — экономической, политической, военной, интеллектуальной — постепенно останавливается и поворачивается вспять

контрмерами его «незападных» жертв. Этот процесс происходит на наших глазах. По всем позициям, где они были атакованы, контрнаступление «незападных» народов очевидно. Культурная агрессия Запада породила мощный процесс девестернизации других цивилизаций, где сегодня происходит возврат к собственным корням [19, с. 22].

Травма последних двух десятков лет не затронула психического здоровья народа...Россия — единственная «незападная» страна в мире, которая никогда не была и не является колонией или подопечной территорией Запада. В том была заслуга наших предков, которые сумели отстоять национальную самостоятельность России, успешно модернизируя страну, не меняя при этом ее национального кода... В России, у русских пока нет ощущения чего-то невозможного для нас. Ни в духовной, ни в материальной сфере наша национальная гордость не претерпела фатальных крушений [16, с. 84 - 111].

19 декабря 2012 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным был подписан Указ о «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Стратегия разработана в целях обеспечения интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепления государственного единства и целостности России, сохранения этнокультурной самобытности ее народов, сочетания общегосударственных интересов и интересов народов России, обеспечения конституционных прав и свобод граждан. Стратегия основывается на принципах построения демократического федеративного государства, служит основой для координации деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Стратегия направлена на активизацию всестороннего сотрудничества народов Российской Федерации, развития их национальных языков и культур. Стратегия носит комплексный межотраслевой социально ориентированный характер, призвана развивать потенциал

многонационального народа Российской Федерации (российской нации) и всех составляющих его народов (этнических общностей) [14, с. 1 — 11].

В России охранённая культура, особенности национальной психики, богатства великой территории, индустриальная инфраструктура, промышленность и наука позволяют надеяться на центростремительный импульс собирания, общее преодоление национального смятения, выход большой России в авангард мира XXI в [16, с. 81-111] .

Надёжное решение проблем современного мира может быть обеспечено только через серьёзное, честное сотрудничество ведущих государств и их объединений в интересах решения общих задач. Такое взаимодействие должно учитывать многоцветие современного мира, его культурно-цивилизационное многообразие, отражать интересы основных компонентов международного сообщества [10, с. 6].

Россия, не стремясь к конфронтации ни с США, ни с Евросоюзом, ни с НАТО, открыта для самого широкого взаимодействия с западными партнерами. По-прежнему считаем, что наилучшим способом обеспечения интересов народов, проживающих на европейском континенте, было бы формирование общего экономического и гуманитарного пространства, простирающегося от Атлантики до Тихого океана, так чтобы недавно сформированный Евразийский экономический союз смог стать интегрирующим звеном между Европой и АТР. Стремимся делать все, что от нас зависит, для преодоления препятствий на этом пути, включая урегулирование на основе Минских договоренностей украинского кризиса, спровоцированного госпереворотом в Киеве в феврале 2014 года [10, с. 7].

На основании проведенного анализа можно сделать вывод что, несмотря на стремительную глобализацию, способствующую экономической взаимозависимости государств и их культурному сближению, желание отдельных общностей людей, связанных языком и территорией, выделить себя или противопоставить друг другу не становится меньше, а наоборот

растет. И эта проблема становится преградой на пути формирования не только глобальной консолидации, но и региональной, и более того - субрегиональной.

Далее возникает проблема национальной самоидентификации в условиях активного размывания национально-этнических разнообразий, на основании решения которой или попытки ее решения можно будет прийти к рациональным выводам относительно разрешения противоречия между желанием сохранения национальных особенностей и обеспечением национально-специфических потребностей внутри отдельных стран и одновременного соответствия главной тенденции современной общественной жизни - интернационализации региональных и глобальных потребностей в интересах поступательного развития человеческих сообществ.

Список источников и литературы:

1. Бажанов Е.П., В поисках своего пути: Россия между Востоком и Западом. М., 1997.
2. Бортко Ю.А., Кудров В.М., Пичугин Б.М. и др. Безопасность будущей Европы. РАН. Институт Европы. М. : Наука, 1993.
3. Василева Н.В., Гаврилов В.А., Миркикин В.А. Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. Институт военной истории МО РФ. М., 2005.
4. Военная доктрина Российской Федерации. 25 апреля 2000 г. // Армейский сборник. 2000. № 6.
5. Данте Алигьери. Божественная Комедия. Чистилище, 5.
6. Задохин А.Г. Внешняя политика России: национальное сознание и национальные интересы. ДА. МИД. России. М., 2002
7. Кожин В.В. Основы национализма. М., 2012.

8. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена указом Президента РФ В.В. Путиным 28 июня 2000 г. // Дипломатический вестник. 2000. № 8.
9. Концепция национальной безопасности Российской Федерации в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24 // Безопасность. Информационный сборник фонда национальной и международной безопасности. М., 2000. № 1 — 12.
10. Лавров С.В. Историческая перспектива внешней политики России // Россия в глобальной политике. 3 марта 2016.
11. Леонтьев К.Н. Панславизм и греки. Собр. Соч. Т.5., 1912.
12. Пантев А., Гаврилов Б., Пътят на модерния свят. София. 1994.
13. Смирнов Г.Н. Национальное государство в глобальном мире // Геополитический журнал. 2014. № 3.
14. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена указом Президента РФ В.В. Путиным 19. 12. 2012 г., № 1666.
15. Таранов П.С. «150 мудрецов и философов», т. 2. Симферополь. 2000.
16. Уткин А. Аргументы российского оптимизма. Главная тема. 2004, декабрь.
17. Хаджийски И. Оптимистична теория за нашия народ. Психология на Априлското въстание., т.1. София.,1974.
18. Deutsch K.W., Nationalism and it`s alternatives. New York.1969.
19. Gellner E., Nations and Nationalism. Oxford.1983.
20. Kohn H., The idea of Nationalism. New York.1967.
21. Kohn H., Pan – slavism. it`s History and ideology (Notre Dame, 1953).
22. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Куда идет человечество? // Мир и политика. 2009. № 6 (33). С. 13-29
23. Геополитика. Под ред. Бажанов Е.П. Москва, 2015. Том Книга 1 Тенденция глобального развития в XXI веке.

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Прохоров Р.Е.

кандидат психологических наук, научный сотрудник Института
Востоковедения Российской академии наук,
Vostok2014IV@gmail.com

Ruslan Prohorov

Ph.D. (Psychology), Research Associate of the Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences
Vostok2014IV@gmail.com

Публичная дипломатия как важный ресурс развития пакистано- китайских двусторонних отношений

Public Diplomacy as Important Source for Development of Pakistani-Chinese Bilateral Relations

Аннотация: В статье рассматривается использование ресурсов публичной дипломатии в развитии двусторонних отношений между Пакистаном и Китаем. Особое внимание уделено сотрудничеству научных и образовательных учреждений в продвижении совместных экономических интересов. Затрагивается деятельность пакистанских средств массовой информации. Рассматривается вопрос формирования положительного, привлекательного международного имиджа Пакистана в глазах китайских партнёров.

Ключевые слова: Пакистан, Китай, публичная дипломатия, международный имидж.

Abstract: The article illustrates the influence of the public diplomacy resources in the development of bilateral relations between Pakistan and China. Particular attention is given to the cooperation of scientific and educational institutions in promoting joint economic interests. The activity of the Pakistani Mass Media in forming a positive and attractive international image of Pakistan in the eyes of Chinese partners is also mentioned.

Key words: Pakistan, China, public diplomacy, international image

Отношения Пакистана и Китая интенсивно развиваются с середины XX в. и характеризуются стабильным сотрудничеством в различных областях. После заключения в 1960-х гг. целого ряда различных двусторонних соглашений (от Китайско-пакистанского соглашения о границе 1963 г. до соглашения 1965 г. в области культуры и др.) страны становятся полноправными политическими партнёрами [1]. Значительной составляющей в пакистано-китайских отношениях уже давно стала и публичная дипломатия.

Именно соглашение 1965 г. между Китаем и Пакистаном в области культуры во многом заложило фундамент для развития публичной дипломатии. Предусмотренное документом сотрудничество в области массовых коммуникаций, науки и образования, позволило начать активное развитие неофициальных контактов, способствующих политическому и экономическому развитию двусторонних отношений [2].

Научное сотрудничество позволило включить в двусторонние отношения представителей учёного сообщества двух государств, которые в обсуждаемых процессах выступают уже в качестве экспертов. Важная роль экспертов в процессе подготовки и принятия политических решений в условиях традиционного общества Пакистана имеет особое значение. Мнение известного, образованного человека, к тому же принадлежащего к

влиятельной общине, способно оказать решающее влияние на обсуждение определённой проблемы, имеющей актуальность.

В качестве одного из основных участников, играющих значительную роль в продвижении китайско-пакистанской публичной политики, можно назвать Исламский институт политических исследований в Исламабаде. Только за последние годы этим научным учреждением проведено совместно с китайской стороной несколько конференции и семинаров [3]. Так, в ходе докладов и дискуссии на неофициальном уровне затрагивались различные аспекты реализации нашумевшего проекта китайско-пакистанского экономического коридора. Например, обсуждаемые экспертами возможные экологические последствия создания промышленных зон и строительства множества тепловых электростанции, которые приведут к изменениям окружающей среды. Учёными института неоднократно ставится акцент на необходимости проведения разъяснительных мероприятий в зоне строительства коридора с целью снижения социального напряжения среди пакистанского населения, протестующего против переселения с обжитых мест и массового привлечения китайской рабочей силы.

Другим крайне важным аспектом публичной дипломатии Китая и Пакистана является сфера образования. Китайская сторона придает традиционно большое значение образовательным обменам с азиатскими государствами. В настоящее время подписано около сорока договоров о сотрудничестве в сфере образования между Китаем и азиатскими государствами [3]. Одно из первых мест здесь принадлежит Пакистану. Сотрудничество включает взаимные визиты делегаций, обмен студентами и учеными, межинституциональное взаимодействие, обмен учебными материалами и сотрудничество в преподавании языка и академических исследованиях.

В этом плане примечателен 2016 год, в течение которого были заключены сразу несколько соглашений между университетами Китая и

Пакистана с обширной программой сотрудничества. Так, 23 июня 2016 г. Открытый университет Икбала (AIOU) и Китайский открытый университет Юньнань (YNOU) заключили соглашение об установлении партнерских отношений в образовательных дистанционных программах.

Соглашение предусматривает также и создание Центра китайского языка [7]. Также 21 июня 2016 г. подписано соглашение о сотрудничестве между Китайским технологическим университетом и Национальной комиссией по профессионально-техническому обучению Пакистана (NAVTTTC), предусматривающее в дальнейшем создание центров трудоустройства китайских выпускников [6].

Затем, 28 августа 2017 г. Высокая комиссия по образованию Пакистана и Китайская ассоциация высшего образования договорились о дальнейшем расширении существующих договорённостей в сфере образования. Министр национального образования Пакистана обратился к китайскому представителю с предложением о сотрудничестве по целому ряду учебных программ. Также недавно в Пакистане было открыто пять центров Конфуция, одна из ведущих задач которых - изучение китайского языка и распространения китайской культуры [5].

Особое значение в контексте реализации обозначенных договорённостей двух стран приобретает обучение профессиональных кадров из западных районов Китая. Так, в настоящее время в Международном исламском университете, входящим в первую тройку крупнейших университетов Пакистана, проходят обучение несколько сотен китайских студентов [1]. Все подписанные соглашения в целом направлены на обеспечение китайско-пакистанского экономического коридора профессиональными кадрами.

Свой вклад в развитие пакистано-китайских отношений вносит и пакистанская пресса. Крупнейшие англоязычные газеты (Dawn, The News International, The Nation, Express Tribune и Daily Times Pakistan) уделяют

большое внимание теме развития пакистано-китайских отношений. Проанализировав статьи в пакистанской прессе, можно сделать заключение об их благосклонном настрое в отношении развития пакистано-китайских контактов.

Так, в статьях апреля 2015 г. (когда были подписаны основные соглашения по китайско-пакистанскому экономическому коридору), можно увидеть такие яркие метафоры как «Дыхание свежего воздуха для Пакистана» или «Судьбоносный визит» в отношении визита китайского руководства. По оценкам изданий, благодаря экономическому коридору, Пакистан способен превратиться в «азиатского тигра». Широко цитируются в газетах и слова Председателя КНР Си Цзиньпина о том, что китайско-пакистанский экономический коридор будет приносить пользу не только региону, но и каждому гражданину Пакистана. Также немалое внимание в названных СМИ было уделено строительству сети железных дорог и трубопроводов, входящих в транспортный проект.

В некоторых статьях обсуждался вопрос, что благодаря проекту, расстояние между Ближним Востоком и Китаем сократится. Много внимания уделялось и финансовой составляющей, в качестве ключевого вопроса почти все газеты обсуждали прозрачность затрат по проекту. Было также отмечено, что визит китайского руководителя способствовал улучшению международного имиджа Пакистана, привлечению и других инвесторов, улучшению общего инвестиционного климата [8].

Отдельное внимание стоит уделить важной роли интернет-портала, посвящённого китайско-пакистанскому экономическому коридору. Его основная задача состоит в информировании широкой общественности и деловых кругов о развитии проекта. На портале оперативно освещаются все новости, связанные с проектом, представлены такие рубрики как энергетика, финансовые, социальные и инфраструктурные проекты, различные карты экономического коридора [9].

Сегодня публичная дипломатия Пакистана является неотъемлемым инструментом эффективного сотрудничества Пакистана и Китая. Проводимая экспертная оценка пакистанской и китайской сторонами о возможных проблемах нацелена на развитие торговых и экономических связей, углубление сотрудничества в гуманитарной области. Совместная работа, которая проводится пакистанскими и китайскими специалистами вносит ценный вклад и в формирование положительного, привлекательного образа страны в глазах китайских партнёров.

Список источников и литературы:

1. Серенко И.Н. Трансформация Пакистанской системы образования как фактор борьбы с терроризмом//Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии/[Отв. ред. Белокреницкий В.Я., Ульченко Н.Ю.]. – М.: ИВ РАН, Крафт+. 2012. – 552 с.
2. Bholi P. Pakistan-China relations. Jaipur, R.B.S.A. Publishers. 1986. 306 p.
3. Macro and Micro Dividends of CPEC: Efforts of Regional and International Players to Disrupt the Development in the Region, its Ramifications and Rectifications. – Режим доступа: <http://www.ipripak.org> (дата обращения: 29.11.2017).
4. International Communication [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chinaeducenter.com/en/cedu/intcom.php>. (дата обращения: 26.11.2017).
5. Pakistani-Chinese University to collaborate in distance learning programmes. – Режим доступа: <https://timesofislamabad.com/pakistani-chinese-university-to-collaborate-in-distance-learning-programmes/2016/06/23/> (дата обращения: 26.11.2017).
6. Meeting: Pakistan, China discuss collaboration in vocational education. 21.06.2016. The Express Tribune. Pakistan. – Режим доступа:

<https://tribune.com.pk/story/1126642/meeting-pakistan-china-discuss-collaboration-vocational-education/> (дата обращения: 26.11.2017).

7. Pakistan, China agree to enhance ties in education sector. – Режим доступа: <https://arynews.tv/en/pakistan-china-agree-enhance-ties-education-sector> (дата обращения: 26.11.2017).

8. Hamid A., Nameed H. Pakistan's Print Media Presentation of Pakistan China Relation and New Silk Route Corridor Project (A Case Study of Chinese President Xi Jinping Visit Days)/ Journal of Political Sciences & Public Affairs. 2016. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.4172/2332-0761.1000193> (дата обращения: 25.11.2017).

9. Китайско-пакистанский экономический коридор // Официальный сайт проекта - Режим доступа: <http://cpec.gov.pk/index> (дата обращения: 25.11.2017).

Пугачева О. С.

Аспирант Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации

ksusha2739@bk.ru

O. Pugacheva

Postgraduate student of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

ksusha2739@bk.ru

Перспективы объединения государств корейского полуострова

Prospects for Reunification of States of Korean Peninsula

Аннотация: Отношения между Северной и Южной Кореей находятся в состоянии конфликта, периодически выливающегося в вооружённые инциденты между конфликтующими сторонами. При этом объединение Кореи провозглашается одной из важнейших задач официальными лицами обеих стран. Де-факто ядерный статус КНДР и продолжение ею ракетных и ядерных испытаний, размещение США системы ПРО ТНААД в РК привлекают внимание к международно-политическим процессам на Корейском полуострове и перспективам объединения корейских государств. В данной статье автор анализирует возможности и ограничения объединения корейских государств, а также факторы, влияющие на нормализацию отношений между КНДР и РК. Целью работы является выявление условий урегулирования межкорейских отношений и перспектив объединения Северной и Южной Кореи. Предпосылкой для возможного объединения, которое в кратко- и среднесрочной перспективе представляется маловероятным, в будущем является создание необходимых для этого условий (нормализация отношений между КНДР и РК и развитие взаимовыгодного

сотрудничества, которые требуют признания права друг друга на существование и отказ от попыток изменить политические системы друг друга). Нормализация межкорейских отношений возможна в контексте решения проблем безопасности в СВА на многосторонней основе и путём учёта интересов и координации действий заинтересованных стран.

Ключевые слова: Корейская Народно-Демократическая Республика, Республика Корея, межкорейский конфликт, объединение, нормализация

Abstract: North and South Korea are still at odds and there are periodic armed incidents between them. At the same time, officials of both states publicly espoused the idea of the reunification of Korea that represents one of the key objectives. The de facto nuclear status of the DPRK and its continuing missile and nuclear tests, the US's deployment of the THAAD anti-ballistic missile defense system in the Republic of Korea draw attention to the international political processes on the Korean peninsula and the prospects for the unification of the Korean states. The article analyzes the possibilities and limitations of the unification of the Korean states as well as the factors that influence the normalization of inter-Korean relations. The objective of the work is to identify the conditions of the settlement of inter-Korean relations and the prospects for the reunification of North and South Korea. The methodology embraces theoretical methods, observation, historical-comparative method and political expertise. As a result of the research, the author concluded that the reunification of the two Korean states is unlikely in the short and medium term. The prerequisite for a possible future unification is the creation of necessary conditions for this. They include the normalization of the relations between the DPRK and the ROK and the development of mutually beneficial cooperation between them. The fulfillment of these conditions requires the recognition of each other's right to exist and the

refusal to try to change each other's political system. The normalization of inter-Korean relations is possible in the context of solving security problems in Northeast Asia on a multilateral basis as well as by taking into account the interests of the countries concerned and coordinating their actions.

Keywords: Democratic People's Republic of Korea, Republic of Korea, inter-Korean conflict, reconciliation, normalization

Межкорейский конфликт развивался как внутривнутриполитический. В условиях послевоенного раздела Кореи на две зоны и последовавшего противостояния СССР и США произошло размежевание политических сил по географическому признаку. На севере и юге Корейского полуострова были созданы два государства с различным социально-политическим строем: Республика Корея (РК) и Корейская народно-демократическая республика (КНДР). Стороны не признавали друг друга и претендовали на исключительное право осуществления власти на территории всего Корейского полуострова.

С распадом биполярной системы международных отношений 1990-начало 2000-х гг. были отмечены улучшением отношений между КНДР и РК, однако вскоре на полуострове вновь возобновилась напряженная обстановка. Оба корейских государства нацелены на объединение Кореи на своих условиях и под своим руководством. В силу этого периоды подъёма сменяются откатами в отношениях. Потепления в отношениях между КНДР и РК обычно связаны с совпадением используемых их руководством тактических приёмов в благоприятной международной обстановке. При этом по внутривнутриполитическим соображениям ни КНДР, ни РК не готовы к одномоментному объединению. Объединительная политика выступает своеобразной политической картой, которая разыгрывается и на Севере, и на Юге для достижения иных внутри- и внешнеполитических целей.

Активность и наступательность объединительной риторики и политики сторон зависят от соотношения сил между ними. В начале конфликта, благодаря своему превосходству, Север проводил наступательную политику, пытаясь «революционизировать» Юг. Юг откладывал объединение до тех времен, пока станет достаточно сильным, чтобы диктовать свои условия объединения. Теперь Север и Юг поменялись местами. В условиях экономического и внешнеполитического превосходства Республики Корея усилия южнокорейского руководства направлены на трансформацию северокорейского режима и поэтапное поглощение Севера. Север не готов к объединению, и его главная потребность – выживание режима и безопасность страны.

Объединение Кореи провозглашается одной из важнейших задач официальными лицами обеих стран. Большинство из существующих сценариев будущего объединения КНДР и РК строятся на признании в качестве аксиомы неизбежности крушения северокорейского режима и последующего присоединения Северной Кореи к Южной. Согласно этой точке зрения, режим должен рухнуть по причине экономической недееспособности, международной изоляции и уменьшения способности руководства Северной Кореи контролировать поток информации извне [12].

Большинство российских исследователей уверены в прочности режима Северной Кореи. Так, руководитель Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН А.З.Жебин полагает, что стабильность госсистемы страны обеспечивается единством руководства КНДР по ключевым вопросам внутренней и внешней политики, а также стабилизирующей ролью Китая [3]. Исследователи также отмечают, что рыночные отношения постепенно расширяют свои позиции, люди стали жить лучше. Кроме того, «жизненный интерес в сохранении отдельной северокорейской государственности» разделяется не только нынешней

военно-партийной элитой, но и сформировавшейся прослойкой влиятельных частных предпринимателей [2, с. 71].

В последнее время некоторые западные исследователи рассматривают вариант государственного переворота и отстранения от власти династии Кимов при сохранении северокорейской государственности [8]. Такой поворот связан с неготовностью Южной Кореи к одномоментному поглощению и её ориентацией на постепенное, поэтапное слияние. Возможно, это связано и с тем, что КНДР теперь де-факто ядерное государство, нестабильность в котором представляет угрозу. Кроме того, как объясняет Брюс У.Беннетт, объединение может последовать за крахом режима в Северной Корее, но не быть завершённым из-за организованного сопротивления процессу объединения, так как элита и население не готовы принять объединение под руководством Юга [7].

В связи с этим указывается на необходимость подготовки северокорейской элиты. Суть подготовки заключается в том, чтобы развеять страхи представителей элиты относительно потери жизни, статусов, привилегий, собственности, работы, а также уголовного преследования. Также предлагается формировать положительный образ Южной Кореи как богатой и прогрессивной страны, убеждать северокорейцев в том, что объединение соответствует их интересам, что они будут жить лучше. На практике доносить эти идеи предполагается посредством радиовещания, рекламы на южнокорейских DVD, культурных и образовательных обменов, программ лечения больных северокорейских детей в больницах Южной Кореи.

Как видим, данный подход предполагает задействование механизмов публичной дипломатии. Однако в случае Северной Кореи инструменты публичной дипломатии имеют ограничения и требуют гибкого применения. В КНДР все СМИ находятся под строгим и полным контролем правительства. Так, северокорейцы не имеют доступа к зарубежным СМИ, а

все новости СМИ получают от Центрального телеграфного агентства Кореи. Согласно исследованию, проведённому InterMedia при поддержке Госдепа США в 2012 г., правительству Северной Кореи всё сложнее сохранять абсолютный контроль за доступом граждан к зарубежным источникам информации [10]. Тем не менее, государство сохраняет контроль над информационным пространством страны, что принципиально важно для сохранения режима. Кроме того, даже при возможном выходе на какую-то часть северокорейской аудитории, необходимо учитывать степень восприимчивости населения. Одновременно во властных кругах Южной Кореи отсутствует консенсус по поводу необходимости и содержания, транслируемых северокорейцам «обещаний».

Существует сценарий эволюционного объединения КНДР и РК на основе добровольного и равноправного интеграционного сближения [6]. Данный подход подразумевает толерантность сторон к политическим системам друг друга. Данный сценарий не противоречит объединению на основе объединительных концепций двух стран, которые отражают во многом близкое понимание внутрикорейских проблем и создают широкую основу для совместной работы по сближению позиций и поиску компромисса и взаимовыгодных решений.

Объединение путём интеграционного сближения представляется наиболее оптимальным сценарием. Вместе с тем для его реализации необходима нормализация межкорейских отношений. Можно выделить следующие факторы, влияющие на нормализацию отношений между КНДР и РК.

Во-первых, условием нормализации межкорейских отношений является конвенционализация КНДР, признание её США, Японией и установление дипломатических отношений, обеспечение её внешней безопасности. Внешнеполитическая изоляция и режим санкций в отношении КНДР ведёт к радикализации её политического курса. А.А.Сушенцов объясняет подобное

поведение нахождением субъекта в дефицитарной позиции, основанием для которой служит ощущение недостатка и ущербности [4, с. 13]. Как отмечает Г.И.Чуфрин, экономический кризис и негативные перспективы экономического развития способствуют сохранению «антидемократических, репрессивных форм внутренней политической жизни КНДР и её агрессивно-охранительной реакции на события и процессы во внешнеполитическом окружении» [5, с. 63].

Во-вторых, необходимой предпосылкой для преодоления напряжённости на Корейском полуострове выступает развитие экономики КНДР, так как дисбаланс в экономических потенциалах КНДР и РК обуславливает наступательную объединительную политику РК, её нацеленность на объединение на собственных условиях, что, в свою очередь, стимулирует отторжение Севера.

В-третьих, интересы третьих стран и их конкуренция за лидирующие/доминирующие позиции в корейском урегулировании позволяют КНДР и РК играть на противоречиях крупных стран из внутривнутриполитических и внешнеполитических соображений. Кроме того, урегулирование корейской проблемы выступает предметом противоречий более крупных и влиятельных государств, которые своими действиями или бездействием также влияют на перспективы объединения Кореи. Все крупные игроки заинтересованы в сохранении статус-кво в регионе – существовании двух корейских государств. При этом в отличие от Китая и России, США выгодно сохранение напряжённости в отношениях между двумя Кореями, что обеспечивало бы влияние США в стратегически важном для них регионе.

В условиях благоприятной внешней международной среды и отсутствия внешних угроз режиму перспективы объединения КНДР и РК связаны со скоростью, с которой КНДР будет адаптироваться к взаимодействию с внешним миром, т.е. со скоростью с которой в КНДР будут происходить

объективные и естественные изменения. Может потребоваться достаточно много времени, пока Северная Корея перестанет рассматривать широкое сотрудничество с Южной Кореей представляющим опасность для её политических и экономических устоев.

Между тем фактор времени связан с отношением населения к будущему объединению: со сменой поколений может исчезнуть заинтересованность в объединении. Подобная тенденция наблюдается в Южной Корее. Для её преодоления южнокорейское правительство приступило к кампании, направленной на убеждение молодых людей в преимуществах объединения, в частности акцент делается на том, что Корея станет влиятельной восточноазиатской державой, а соединение дешевой рабочей силы Севера с технологиями Юга будет способствовать активизации экономики Кореи [9]. Это дало свои плоды и, согласно исследованиям общественного мнения в Южной Корее, поддержка южнокорейским населением объединения Кореи за последние годы выросла и составила в 2014 г. 82%, а среди молодёжи – 71,8% [Asan Public Opinion Report, 2015]. Вместе с тем, как свидетельствует те же опросы, всё меньше южнокорейцев в качестве причины необходимости объединения называют общую этническую принадлежность (33,2%). Если данная тенденция сохранится, то это может негативно отразиться на перспективах объединения, так как для создания единого государства большое значение имеет чувство общности. Более того, с течением времени в случае размывания чувства общности и усилении экономических причин объединения теоретически не исключена трансформация межкорейского конфликта в конфликт по поводу ресурсов [4, с. 13].

Таким образом, объединение двух корейских государств маловероятно в краткосрочной и среднесрочной перспективах. Это обуславливается неготовностью КНДР и РК к объединению в нынешних условиях, а также заинтересованность крупных стран в поддержании статус-кво на Корейском полуострове. Объединение путём поглощения одной стороной другой не

представляется возможным, поэтому предпосылкой для возможного объединения в будущем является нормализация отношений между двумя корейскими государствами. Нормализация отношений и развитие взаимовыгодного сотрудничества требуют признания права друг друга на существование и отказ от попыток изменить политические системы друг друга. Представляется, что нормализация возможна в контексте решения проблем безопасности в СВА на многосторонней основе и путём координации действий заинтересованных стран. Кроме того, развитие взаимовыгодного сотрудничества, а также развитие и усиление взаимозависимости между двумя Кореями могло бы в последующем выполнять превентивную функцию, развивать заинтересованность в поддержании военно-политической стабильности на полуострове и углублении взаимоотношений.

Список источников и литературы:

1. Горелый И.О. Корея. Концепции объединения. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997.
2. Ивашенцов Г.А. Корейский цугцванг: возможен ли выход? Проблемы безопасности на Корейском полуострове // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 6 (39). С.63-80.
3. Кирьянов О. Объединение Кореи выгодно соседним державам // Российская газета. 2014. – Режим доступа: <https://rg.ru/2014/09/17/obyedineniye-site.html> (дата обращения: 24.11.2017).
4. Сушенцов А.А. Конфликтное поведение в современной теории международных отношений (психологический аспект) // Вестник МГИМО-Университета. 2011. №5. С.12-20.
5. Чуфрин Г.И. Политические последствия ядерного кризиса на корейском полуострове / Пятый Российско-корейский форум, 16-17 октября 2003 г.: (Материалы). 2004. С.59-63.

6. Шарко С. Геостратегические интересы Южной Кореи и будущее Корейского полуострова // Международная жизнь. 2014. № .6. С.141-151.
7. Bennett Bruce W. (2013). Preparing for the possibility of a North Korean Collapse // RAND Corporation. Retrieved 24 November, 2017. – Режим доступа: http://www.rand.org/pubs/research_reports/RR331.html (дата обращения: 27.11.2017)
8. Bennett Bruce W. (2017). Preparing North Korean elites for unification // RAND Corporation. Retrieved 24 November, 2017. – Режим доступа: http://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1985.html (дата обращения: 18.11.2017)
9. Liston E. (2014). North and South Korea: Can Seoul's Plans for Reunification Work? // The Guardian. Retrieved 24 November, 2017. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2014/jul/18/south-north-korea-unification-seoul> (дата обращения: 24.11.2017)
10. Mull C. (2014). Challenges to U.S. Public Diplomacy in North Korea. American Security Project. Retrieved 24 November, 2017. – Режим доступа: <https://www.americansecurityproject.org/challenges-to-u-s-public-diplomacy-in-north-korea/> (дата обращения: 27.11.2017)
11. South Korean Attitudes towards North Korea and reunification. (2015). Asan Public Opinion Report. Retrieved 24 November, 2017. – Режим доступа: http://thediplomat.com/wp-content/uploads/2015/01/thediplomat_2015-01-29_13-53-09.pdf (дата обращения: 14.11.2017)
12. Terry S.M. (2015) Unified Korea and the future of the U.S.-South Korea Alliance. Council on Foreign Relations. Retrieved 24 November, 2017. – Режим доступа: https://www.cfr.org/sites/default/files/pdf/2015/12/Discussion_Paper_Korea_Unification_Terry.pdf (дата обращения: 17.11.2017)

13. Asan Public Opinion Report, 2015. – Режим доступа: <http://en.asaninst.org/contents/issues/public-opinion/> (дата обращения: 24.11.2017)

14. Бажанов Е.П. Россия в Азиатско-Тихоокеанском Регионе // Философские науки. 2015. № 1. С. 12-28.

15. Bazhanov E., Bazhanov N. Soviet Views on North Korea: The Domestic Scene and Foreign Policy // Asian Survey. 1991. Т. 31. № 12. С. 1123-1138.

Маталаева Ф. Э.

Аспирант Дипломатической академии Министерства иностранных дел
Российской Федерации
FD711@mail.ru

F. Matalaeva

Postgraduate Student of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
FD711@mail.ru

Тенденции миграции в современном цивилизационном мейнстриме

Trends of Migration in Contemporary Civilization Mainstream

Аннотация: В современном мире масштабы международной миграции постоянно увеличиваются и представляют собой последствия повышения экономических, политических и культурных взаимосвязей между различными регионами и странами мира. Данная статья представляет собой попытку исследовать современные тенденции международной миграции и отдельные механизмы управления миграцией. Сделан вывод о том, что сегодня для эффективного управления миграцией необходимо сочетание различных механизмов и практик, а также взаимодействие на международном уровне.

Ключевые слова: миграция, пограничный контроль, миграционная политика, глобальный подход, селективная политика миграции.

Abstract: In the contemporary world the scale of international migration is constantly increasing and represents the consequences of increasing economic, political and cultural relationships between different regions and countries. This article is an attempt to explore current trends in international migration and individual mechanisms for managing migration. It is concluded that today for the

effective management of migration it is necessary to combine various mechanisms and practices, as well as interaction at the international level.

Key words: migration, border control, migration policy, global approach, selective migration policy.

Сегодня нет ни одной страны в мире, которую напрямую или косвенно не затрагивал бы феномен миграции. Миграция увеличивается в масштабах, приобретает новые характеристики, усложняется благодаря «выталкивающим» и другим факторам, таким как развитость и доступность современных транснациональных коммуникаций и перевозок, развитие информационных технологий и глобализация, делающая мир взаимосвязанным и взаимозависимым [1].

По данным Международного валютного фонда, глобализация имеет четыре измеряемых аспекта: торговля, движение капитала, движение людей и распространение знаний и технологий [6]. Торговля, капитал и знания влияют на мобильность человека, что делает рост миграции естественным следствием процесса глобализации и частью повестки дня правительств во всем мире. Несмотря на это с миграцией связано значительное количество ошибочных представлений: миграция оказывает отрицательное культурное, религиозное и лингвистическое влияние на принимающее население; миграции – это движение только тех людей, которые нуждаются в улучшении своего уровня жизни; миграция через международные границы наиболее масштабная; миграция – это утечка ресурсов стран происхождения. Значительная доля данных заблуждений не имеют устойчивой основы. Так, например, в действительности внутренняя миграция в четыре раза превышает международную, а исторический опыт подтверждает, что миграция сокращает бедность в странах отправления. Эти представления способствуют формированию ограничительной миграционной политики с

упором на пограничный контроль. Вместе с тем, миграция является неотъемлемой характеристикой развития мира на протяжении всей человеческой истории и сегодня люди перемещаются по тем же причинам, что и сотни лет назад.

Сложности в определении термина «мигрант»

Многогранный и сложный характер миграции, в широком смысле означающей движение людей, покидающих страну отправления для постоянного или временного проживания в стране приема [8: 62-63], способствует тому, что в настоящее время общепринятого определения термина «мигрант» не существует как в научном дискурсе, так и в политической и социальной практике. Различные определения приводят к существованию различных и зачастую противоречивых статистических данных, влияющих на политику и законодательство, и затрудняющих эффективное сотрудничество по регулированию миграции на наднациональном уровне. Однако существуют два наиболее часто употребляемые дефиниции, введенные Международной организацией по миграции и Организацией Объединенных Наций.

Международная организация по миграции, как правило, под мигрантами понимает лиц, которые свободно приняли решение о миграции по причине личной выгоды и с целью увеличения своего материального положения без влияния внешних факторов [11]. Это определение охватывает как внутренних, так и международных мигрантов, краткосрочных, долгосрочных, циркулярных и явно исключает беженцев, находящихся за пределами страны своего происхождения из-за страха перед преследованием, а также лиц, перемещенных внутри страны, вынужденных переехать из-за стихийных бедствий или антропогенных катастроф, но которые не пересекли международную границу с другим государством.

Определение Организации Объединенных Наций более широкое и дифференцируется между краткосрочными и долгосрочными мигрантами.

Долгосрочный мигрант – это лицо, которое переезжает в страну, отличную от страны постоянного проживания на срок не менее года, чтобы страна назначения фактически стала его новой страной обычного проживания [15, с.18]. Напротив, краткосрочный мигрант переезжает в страну назначения на срок не менее 3 месяцев, но менее года, за исключением случаев, когда перемещение в эту страну осуществляется в целях отдыха, посещение друзей и родственников, бизнеса, медицинского обслуживания или религиозного паломничества [15, с. 18].

Вышеуказанные определения ООН включают в себя миграционную мобильность вне зависимости от причин – внешних (не зависящих от самого мигранта) или внутренних (определяемых самим мигрантом), – а также средств, используемых для миграции – регулярных или нерегулярных. В соответствии с этими определениями мигрантами являются те, кто пересекает международную границу; граждане, перемещающиеся в пределах границ государства своего происхождения или постоянного проживания, не считаются мигрантами.

Однако большая часть пересечений межгосударственных границ не является миграцией, так как туристы или бизнесмены не планируют длительное время проживать в стране назначения. В свою очередь непосредственно миграция предполагает проживание в данной стране в течение определенного периода времени. Временной критерий проживания в стране назначения, который позволяет квалифицировать пересечение границы как международную миграцию, обычно определяется политикой регулирования миграции данной страны. Исследователь миграции Ф. Мюс, соглашаясь с определением, данным ООН и говоря о том, что миграция представляет собой перемещение через государственные границы с целью проживания в стране приема на период не менее одного года [14: 32], указывает, что создание универсального определения миграции, адекватного любой национальной системе, на данный момент невозможно, поскольку

различные правительства по-разному реагируют на миграционную ситуацию и создают соответствующее миграционное законодательство со своими собственными критериями, адаптированными под уникальные обстоятельства и потребности [14: 32]. Поэтому в зависимости от того, как определяется мигрант и миграция, от страны к стране будут меняться статистические данные, политика и законодательство.

Глобальные миграционные тенденции

Масштабность международной миграции. Сегодня человеческая мобильность увеличивается беспрецедентным темпом, который не наблюдался ни в один период человеческой истории. По данным ООН, за последние пятнадцать лет число международных мигрантов по всему миру стремительно растет, достигнув в 2015 г. 244 млн. человек, по сравнению с 222 млн. в 2010 г. и 173 млн. в 2000 г. [10]. В период с 2000 по 2005 г. число международных мигрантов росло в среднем на 2% в год. В период с 2005 г. по 2010 г. годовые темпы роста ускорились, достигнув 3%. С тех пор, однако, он замедлился, упав примерно до 1,9% в год за период 2010-2015 гг. [10: 2]. Стоит отметить, что несмотря на свою масштабность, международная миграция значительно уступает внутренней, объем которой в четыре раза превышает международную миграцию. Если объединить внутренних и международных мигрантов, каждый седьмой человек в мире является мигрантом.

Различные направления международной миграции. Люди больше не мигрируют в несколько так называемых «традиционных» стран назначения, а направляются в разнообразные государства. Несмотря на то, что США по-прежнему является основным направлением иммиграции, за ними следуют Германия, Россия и Саудовская Аравия [10: 7]. Традиционно странами назначения выступали Канада, Австралия и Новая Зеландия.

Кроме того, одним из распространенных заблуждений является то, что большинство международных мигрантов перемещаются из развивающихся

стран в развитые. В 2010 г. количество мигрантов внутри коридора Юг-Юг составила 73,6 млн. против количества мигрантов в 72,7 млн. человек, переезжающих с Юга на Север [12: 4]. В 2015 г. миграция Юг-Юг превысила миграцию Юг-Север на два процентных пункта и составила 37% от общего объема международных мигрантов [5: 7]. В 2015 г. в развивающихся странах проживало 90,2 млн. международных мигрантов, рожденных в развивающихся странах, по сравнению с 82,2 млн. в 2013 г. [5: 7].

Одной из отличительных черт международной миграции в ближайшее десятилетие станет резкий сдвиг направления миграции в развивающиеся экономики стран Азии, Африки и Латинской Америки. По мере того, как развитые страны будут становиться все более закрытыми для доступа трудовых мигрантов, они будут вынуждены использовать динамичный экономический рост развивающихся стран.

Преобладание краткосрочных и временных миграций. Постоянная миграция перестает быть актуальной и постепенно уходит в прошлое, формируя взаимную заинтересованность между страной назначения, мигрантами и страной происхождения в краткосрочной, временной и циркулярной миграции. По данным Gallup World один из четырех взрослых в мире (примерно 1,1 млрд. человек) предпочли бы временную работу за границей, а не постоянную миграцию [13]. Временные миграции позволяют преодолеть дефицит трудовых ресурсов в стране назначения без необходимости выработки политики интеграции иммигрантов; уменьшают уровень безработицы в странах отправления; улучшают трудовые навыки мигранта.

Многоуровневые миграции. В противоположность линейной и односторонней миграции все более распространенной становится многоэтапная миграция (с задействованием различных стран) с короткими временными интервалами для обучения, получения трудового опыта или

повышения квалификации и дальнейшего переезда в страну назначения или возврата в страну отправления.

Смена гендерных ролей. Все больше женщин уезжают за границу с целью улучшения своего экономического положения. Женщины составляют 48% всех международных мигрантов [10: 10-11]. С 2000 г. доля женщин-мигрантов увеличилась во всех основных географических областях, за исключением Африки и Азии. В Европе доля женщин-мигрантов выросла с 51,6% в 2000 г. до 52,4% в 2015 г. Аналогичным образом в Северной Америке доля женщин среди всех международных мигрантов возросла с 50,5 до 51,2 % за этот период [10: 10-11].

Женщины, работающие за границей, заняты не только низкоквалифицированной работой, но и занимают должности инженеров, врачей, техников и руководителей. Феминизация миграции приводит к смене традиционных гендерных ролей в семьях, поскольку матери и сестры становятся основными кормильцами семьи и получают больше полномочий в принятии решений.

Возвратная миграция. В настоящее время возвращение домой для выхода на пенсию тех, кто десятилетиями работал и жил в другой стране, становится устойчивой тенденцией. Кроме того, возвратная миграция становится популярной, когда в странах отправления начинает развиваться экономика, в том числе и за счет того, что крупные транснациональные корпорации открывают там свои производства. Например, сегодня Китай и Индия – две наиболее крупные страны-источника миграции, переживают массовую возвратную миграцию своих граждан, которые стремятся воспользоваться процветающей экономикой на родине.

Преобладание частного сектора в привлечении мигрантов. Правительства принимающих стран, связанные политическими или культурными требованиями, вынуждены ограничивать приток трудовых мигрантов в свои страны. Поскольку потребность частного сектора в рабочей

силе в областях экономики, которые не пользуются популярностью среди местных жителей, будет увеличиваться, уже сегодня разрабатываются различные схемы трудовой миграции в частный сектор – сельское хозяйство, рыболовство, оказание услуг заботы о пожилых и больных людях [17].

Отдельные механизмы регулирования миграции

Современная миграционная ситуация создает серьезные политические, культурные и экономические проблемы для правительств. Каждая страна стремится найти правильное сочетание различных схем миграции путем выстраивания баланса между защитой прав мигрантов, местных рабочих, государственным суверенитетом и безопасностью собственных граждан. Они предпринимают ряд инициатив по улучшению механизмов управления миграцией на основе своих уникальных миграционных ситуаций и способов реагирования на них.

В глобальном масштабе миграционная политика в последние годы связана с безопасностью [12]. Борьба с терроризмом правительства США значительно повлияла на восприятие в мире человеческой мобильности. И страны назначения и страны отправления первоочередное внимание уделяют целостности своих границ и безопасности своих граждан, которые обеспечиваются привлечением самых современных технологических решений.

Кроме того, сегодня страны приема стремятся разрабатывать политику миграционного контроля совместно со странами отправления, задействуя многосторонние механизмы переговоров и консультаций [2: 265]. Данные обстоятельства определяют существование общих для многих стран механизмов управления международной миграцией. Некоторым из них автор уделит внимание.

Использование современных технологий для обеспечения безопасности границ. После 9 сентября 2001 г. правительство США ввело технологию индикаторов статуса посетителей и иммигрантов (US VISIT) с целью

обеспечения информационной целостности иммиграционной системы путем сбора и хранения биометрических данных от просителей убежища и иммигрантов [18]. Данная технология направлена на облегчение въезда, трансмиграции, пребывания и выезда из США, выявления и предотвращения различных противозаконных действий. Помимо США аналогичные системы с похожими функциями есть в ЕС, Бразилии, Японии, Южной Корее, Афганистане, Таиланде и некоторых других государствах.

Также правилом становится использование странами приема и отправления электронных паспортов, содержащих чип, который несет биометрические данные владельца. Он полезен для властей не только с точки зрения контроля за миграционными потоками через границы, но и облегчает систему доступа собственных граждан к разнообразным услугам.

Производимая за границей принимающего государства «обработка» нелегальных мигрантов и лиц, ищущих убежища. Так, австралийское правительство в 2001 году приняло так называемое «Тихоокеанское решение», создавшее процессинговый центр для нелегальных мигрантов и просителей убежища, перехваченных в открытом море. Во время обработки заявки австралийскими властями мигранты содержатся в данных центрах, расположенных в соседних странах, позволяя контролировать уровень нерегулярной иммиграции.

Глобальный подход к управлению миграцией. В 2005 г. Великобританией, председательствующей в ЕС, был инициирован «Глобальный подход к миграции» (GAM), который означал необходимость выработки сбалансированного и последовательного подхода, подразумевающего борьбу с нелегальной иммиграцией в сотрудничестве с третьими странами [3]. Значение данного подхода заключается в понимании того, что такой сложный феномен как миграция не может эффективно управляться только посредством контроля на границе ЕС. Он включает в себя ряд мер по устранению «выталкивающих факторов», таких как

активизация диалога и сотрудничества со странами происхождения и транзита, создание групп поддержки для оказания помощи странам происхождения и транзита по улучшению их навыков в управления миграцией, продвижение легальной миграции через миграционные центры. В 2011 г. «Глобальный подход к миграции» был расширен, включив также задачи управления мобильностью и выстраивания баланса между миграцией, безопасностью и развитием [3].

Селективная миграция и привлечение иностранных студентов. Поскольку принимающие страны стремятся привлечь наиболее квалифицированных и талантливых среди потенциальных мигрантов, они разрабатывают дифференцированные программы миграции, в которых в зависимости от потребностей различаются критерии отбора (экономические, культурные, образовательные). Наиболее распространенным подходом к селективной миграции является «система точек», работающая в Японии, Великобритании, Корее, Австралии, Канаде и Новой Зеландии и представляющая собой льготный режим иммиграции для высококвалифицированных иностранных граждан. По-другому действует Германия, принявшая в 2011 г. концепцию обеспечения квалифицированной рабочей базы, направленную на улучшение интеграции на рынке труда иммигрантов уже проживающих в стране [9].

Потенциальными квалифицированными кадрами для принимающей страны и ресурсом восполнения стареющего населения и дефицита рабочей силы также являются иностранные студенты, для которых формируются льготные режимы приема и натурализации после обучения и трудоустройства.

Региональные консультационные процессы по миграции (RCPs). Страны с одинаковыми проблемами и интересами, как правило, расположенные в одном регионе, регулярно встречаются для обмена опытом, проблемами и методами и обсуждения возможных решений по

миграционной политике. Данные процессы – признание того, что миграция слишком многогранный процесс, который не может эффективно управляться на национальном уровне.

Каждая из вышеуказанных миграционных практик имеет свои собственные преимущества и недостатки, количество которых может увеличиваться или уменьшаться в зависимости от условий и миграционной ситуации в принимающей стране, характеристик и объемов миграционных потоков. Например, селекционная политика привлечения высококвалифицированных мигрантов позволяет заполнять дефицит кадров, однако, в конце концов, может вытеснить местных жителей с высших должностей. Поэтому миграционная политика должна постоянно развиваться, регулярно адаптироваться к определенной уникальной ситуации и реагировать на различные вызовы.

Таким образом, эффективная миграционная политика должна быть комплексной, то есть сочетать различные практики контроля и управления миграцией на национальном уровне, дополняемые различными наднациональными механизмами. Это позволит повысить положительный потенциал человеческой мобильности как для отправляющих, так и для принимающих стран и свести к минимуму ее негативные последствия.

Список источников и литературы:

1. Геополитика / Е.П. Бажанов и др., Книга 1, Тенденции глобального развития в XXI веке, М.: Весь Мир, 2015. – 432 с.
2. Мозель Т.Н. Миграционная политика ЕС и проблема беженцев в современном мире // Россия и современный мир / Отв. ред. М.А. Неймарк. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2016. – 512 с.
3. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, and the Committee of the Regions. The Global Approach to Migration and Mobility COM/2011/0743 final. –

- Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=celex%3A52011DC0743> (Дата обращения: 27.10.2017)
4. Global Approach to Migration and Mobility. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/home-affairs/news/intro/docs/1_EN_ACT_part1_v9.pdf (Дата обращения: 27.10.2017)
  5. Global Migration Trends 2015: An Overview. – Режим доступа: https://publications.iom.int/system/files/global_migration_trends_2015_factsheet.pdf (Дата обращения: 24.10.2017)
  6. Globalization: Threat or Opportunity? // International Monetary Fund. – Режим доступа: <http://www.imf.org/external/np/exr/ib/2000/041200to.htm#II> (Дата обращения: 19.10.2017)
  7. International migration and development // Report of the Secretary-General, A/67/254, August 2012. – Режим доступа: <http://www.un.org/esa/population/migration/ga/index.html> (Дата обращения: 23.10.2017)
  8. International Migration Law, №25. Glossary on Migration 2nd Edition, Geneva, 2011. – Режим доступа: <http://www.epim.info/wp-content/uploads/2011/01/iom.pdf> (Дата обращения: 19.10.2017)
  9. International Migration Outlook 2012 // OECD. – Режим доступа: http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2012/germany_migr_outlook-2012-20-en;jsessionid=143d4v5g4vq6o.x-oecd-live-02 (Дата обращения: 27.10.2017)
  10. International Migration Report 2015. – Режим доступа: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2015_Highlights.pdf (Дата обращения: 23.10.2017)
  11. IOM Key Migration Terms. – Режим доступа: <http://www.iom.int/cms/en/sites/iom/home/about-migration/key-migrationterms-1.html#Migrant> (Дата обращения: 19.10.2017)

12. Lindvall K. Securitisation of Migration in Discourse and Practice. – Режим доступа:
<http://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordOId=5472432&fileOId=5472436> (Дата обращения: 26.10.2017)
13. More Adults Would Move for Temporary Work Than Permanently // Gallup. – Режим доступа: <http://www.gallup.com/poll/153182/Adults-Move-Temporary-Work-Permanently.aspx> (Дата обращения: 24.10.2017)
14. Muus P. International migration and the European Union, trends and consequences // European Journal on Criminal Policy and Research. 2001. № 9. P. 32. pp. 31–49.
15. Recommendations on Statistics of International Migration // Statistical Papers Series M, № 58, Rev. 1. – Режим доступа: <http://www.armstat.am/file/doc/99475948.pdf> (Дата обращения: 21.10.2017)
16. Regional Consultative Processes on Migration (RCPs). – Режим доступа: http://publications.iom.int/system/files/pdf/rcp_infosheet_2015_eng.pdf (Дата обращения: 29.10.2017)
17. The International Migration of Women // The World Bank. – Режим доступа:
<http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/NEWS/0,,contentMDK:21561620~pagePK:64257043~piPK:437376~theSitePK:4607,00.html> (Дата обращения: 26.10.2017)
18. US Department of Homeland Security. – Режим доступа: <http://www.dhs.gov/us-visit-office> (Дата обращения: 26.10.2017)
19. Яхменев П.А., Шангараев Р.Н. Молодые политологи и экономисты. путь профессионального становления // Научные записки молодых политологов и экономистов Москва, 2016. С. 4-5.
20. Ястребова А.Ю., Анисимов И.О. Право внешних сношений // Москва, 2017

Кузина О.Е.

Магистрант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета
okkuzina93@rambler.ru

Oksana Kuzina

Master's Degree Student of the School of International Affairs of the Saint Petersburg State University
okkuzina93@rambler.ru

Российская «мягкая сила» в борьбе с «российской угрозой» в странах Балтии

Russian Soft Power Against «Russian Threat» in Baltic States

Аннотация: Восприятие России странами Балтии осложнено как геополитическими и экономическими проблемами, так и мнимой «российской угрозой». Учитывая негативные представления балтийских государств и стремление России к установлению добрососедских отношений, представляется крайне важным применение неагрессивных ресурсов российской «мягкой силы» с целью улучшения отношений между государствами. В связи с этим, были рассмотрены основные институты для мягкого воздействия России за рубежом, а именно Россотрудничество, фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, фонд «Русский мир», ведущие российские университеты, а также их эффективность и перспектива деятельности для продвижения адекватного восприятия в государства Прибалтики. Автором делается вывод, что на данном этапе напряжённых взаимоотношений именно скоординированный подход к российской «мягкой силе» приведёт к пересмотру «российской угрозы» странами Балтии.

Ключевые слова: «мягкая сила» России, страны Балтии, Россотрудничество, фонд поддержки и защиты прав соотечественников, фонд «Русский мир», высшие учебные заведения.

Abstract: The negative view of Russia by the Baltic States is complicated the geopolitical and economic challenges as well as the imaginary “Russian threat”. Given the negative view of the Baltic States and Russia's desire to establish good neighborly relations, it is extremely important to use non-aggressive resources of the Russian “soft power” to improve relations between States. In this regard, were considered the basic institutions for a soft influence of Russia abroad, namely, the Rossotrudnichestvo, the Fund for the support and protection of the rights of compatriots living abroad, the Fund “Russian world”, the leading Russian universities, and their effectiveness and the prospect of activities to promote the adequate view in the Baltic States. The author concludes that at this stage of a tense relationship a coordinated approach to the Russian “soft power” will lead to the revision of the “Russian threat” in the Baltic States.

Key words: soft power of Russia, the Baltic States, Rossotrudnichestvo, the Fund “Russian world”, the Fund for the support and protection of the rights of compatriots, higher education institutions.

На современном этапе отношения между Россией и странами Балтии (Латвия, Литва, Эстония) напряжённые. Во-первых, этому способствуют геополитические проблемы, возникшие после распада Союза Советских Социалистических Республик. Среди них членство Латвии, Литвы и Эстонии в ЕС и НАТО, неурегулированные территориальные вопросы с Эстонией, положение и статус Калининградской области, вытеснения русскоязычного населения из политической и социальной жизни стран Балтии. Во-вторых,

сложности во взаимоотношениях обуславливаются и экономическими проблемами. К ним относятся энергетическая зависимость Латвии, Литвы и Эстонии от России, сокращения российского транзита через балтийские порты, санкционная политика. И наконец, напряжённые отношения усугубляются и мнимыми угрозами, одна из которых – так называемая «российская угроза», пропитанная стереотипами, мифами и заблуждениями.

Целью данной статьи является анализ эффективности деятельности институтов российской «мягкой силы» для пересмотра «российской угрозы» странами Балтии. Были применены общенаучные (индукция, дедукция, прогноз, синтез, анализ), институциональный и социологические методы, рассмотрены основные институты для мягкого воздействия России за рубежом.

Широко распространённое понятие «российская угроза» практически не проанализировано как отечественными, так и зарубежными исследователями международных отношений. При этом указанное понятие часто используют политики и СМИ, подразумевая самые разные его проявления. Так СМИ стран Балтии под «российской угрозой» рассматривают активизацию военной и разведывательной деятельности, использование стратегических ресурсов (газа и нефти) для достижения политических целей, а также создание пятой колонны за счёт соотечественников [5]. Таким образом, любые внешнеполитические инициативы России воспринимаются Латвией, Литвой и Эстонией в качестве экспансионистских намерений.

В свою очередь Россия, стремясь сохранить статус великой державы, часто использовала традиционные методы и только сравнительно недавно стала применять инструменты «мягкой силы». Осознавая эффективность мягкого воздействия для реализации интересов России на постсоветском пространстве, в том числе и странах Балтии, в состав международной политики по Концепциям внешней политики РФ за 2013 и 2016 гг. наряду с

внешнеполитической деятельностью вошла и «мягкая сила». Следовательно, «мягкая сила» постепенно становится важным приоритетом внешней политики России. В связи с этим, будут рассмотрены основные институты мягкого воздействия России за рубежом.

Продвижением российской культуры занимается подведомственное МИД Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному сотрудничеству (Россотрудничество). Основными задачами деятельности Россотрудничества и его загранучреждений являются международное гуманитарное сотрудничество и содействие распространению за рубежом объективного представления о современной России [7].

Россотрудничество не имеет представительства в Эстонии и Латвии. Местные службы безопасности не позволяют это сделать, аргументируя свой отказ возможностью формирования пятой колонны из соотечественников на базе Федерального агентства. Напротив, в Литве действует представитель Россотрудничества в составе Посольства. Однако такое представительство ограничивается лишь информационной справкой о культурных достижениях РФ. С другой стороны, на сайте Россотрудничества есть информация о мероприятиях, организованных, в том числе, при участии агентства на просторах Интернета (например, неделя российского кино на видеохостинге Youtube) [12].

Следующая организация находится под управлением МИД и Россотрудничества. Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, – это выступающая за уважение прав человека и развития демократии некоммерческая организация, оказывающая любую необходимую поддержку соотечественникам [13].

За границей РФ фонд может открывать свои представительства, деятельность которых регламентируется не только уставом, но и законодательством иностранного государства, международными договорами.

Центры правовой защиты соотечественников расположены во всех странах Балтии. Основные направления деятельности – информационно-правовая помощь и юридическое сопровождение.

По словам исполнительного директора фонда И.К.Паневкина большинство обращений не только этнических русских, но и ассоциирующих себя с русским миром в прибалтийские центры (80%) касаются социальных и языковых вопросов [2]. То есть основной деятельностью центров правовой защиты являются частные онлайн консультации. Что касается массовых мероприятий мягкого воздействия, то во всех трёх государствах организуются такие мероприятия, как переводы основных нормативных актов на русский язык, проведение тематических правовых конференций, ознакомление общества с альтернативной историей балтийских стран, воспитание и обучение молодых кадров для правозащитного движения [6].

Итак, несмотря на то, что данный фонд является государственной организацией, центры правовой защиты в странах Балтии активно повышают правовую культуру русского общества частными процедурами.

На популяризацию русского языка нацелен фонд «Русский мир». Данная общественная организация поддерживает программы изучения русского языка через сотрудничество со всеми организациями, направленными на продвижение русского языка. Кроме того, фонд выработал свою идеологию, заключающуюся в «построении лучшего будущего для великого народа, живущего в мире с собой и остальным миром» [8].

В странах Балтии фонд «Русский мир» представлен пятью русскими центрами: два в Латвии, два в Литве и один в Эстонии [4]. Русские центры активно реализуют свою деятельность по таким направлениям, как информационно-справочное обеспечение, межкультурное общение, организация образовательных программ и творческих мероприятий. В отличие от Россотрудничества деятельность общественной организации

«Русский мир» не вызывает недоверия балтийских политических элит, что позволяет фонду реализовывать свои инициативы.

Помимо продвижения культуры, языка и правовой грамотности, РФ также поддерживает обучение иностранных граждан по основным программам профессионального образования. В соответствии с ФЗ от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в РФ» иностранный обучающийся в пределах установленной квоты имеет право на поступление в учебные заведения за счёт ассигнований федерального бюджета, получение государственных академических стипендий в течение всего периода обучения вне зависимости от успехов в учёбе и место в общежитии [14].

Ежегодно РФ выделяет 15 тысяч мест для обучения иностранных граждан. При этом в 2017 г. страны Балтии получили по 80 мест [10], что составляет 1,6 % от общего количества квот. По мнению наших соотечественников, такое количество является недостаточным. В связи с этим высшие учебные заведения активизировали развитие дистанционного образования. В качестве примера следует привести образовательную платформу «Открытое образование», учреждённую ведущими университетами (МГУ, СПбГУ, УрФУ и другие) [11]. «Открытое образование» предлагает свободный доступ к онлайн-курсам по базовым дисциплинам, изучаемым в российских университетах.

Тем не менее потенциал деятельности перечисленных институтов для борьбы с «российской угрозой» используется недостаточно. В основном авторы указывают на внешние препятствия, отражающиеся на эффективности институтов. Так, политическая элита стран Балтии распространяет восприятие России в качестве агрессивной страны для сохранения политической монополии и получения преференций на международной арене. Именно поэтому даже деятельность направленных на продвижение культуры и языка государственных организаций ограничены на территории Латвии, Литвы и Эстонии [3].

Вместе с тем указанные институты также сталкиваются и с общей проблемой для всех компонентов «мягкой силы» России. Механизмы формирующейся российской «мягкой силы» ещё недостаточно разработаны: отсутствуют чётко сформулированные задачи и стратегии, координирующий орган [1]. В совокупности всё это негативно влияет на позиционирование России за рубежом, особенно в условиях напряженных отношений между государствами, что и следует в случае со странами Балтии.

Подводя итоги, стоит уточнить, что, несмотря на все препятствия для деятельности институтов мягкого воздействия России, представляется, что именно они на данном этапе взаимоотношений способны смягчить восприятие «российской угрозы». Однако необходимо разработать индивидуальную программу мягкого воздействия для институтов, действующих в странах Балтии. Во-первых, упор должен быть сделан на продвижение универсальных традиционных ценностей и богатого культурного наследия России. Во-вторых, государственные организации должны делегировать свои полномочия общественным организациям, вызывающим доверие в странах Балтии. Наконец, в свою очередь, государственным организациям стоит развивать дистанционные инициативы. Таким образом, скоординированный подход к развитию «мягкой силы» – это первый шаг для установления добрососедских отношений России со странами Балтии.

Список источников и литературы:

1. Будаев А.В. «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. №48. С. 189-205.
2. Вас не бросят. В странах СНГ открылись центры правовой помощи соотечественникам // Официальный портал российских соотечественников в Эстонии «Русская Эстония», 16.02.2013. – Режим

доступа: <http://rusest.ee/sootechestvenniki/vas-ne-brosyat-v-stranah-sng-otkrylits/> (дата обращения 18.11.2017).

3. Иванова Н.А. Присутствие России в культурной жизни Казахстана и стран Прибалтики: сравнительный анализ // Вестник МГИМО. 2014. №3. С. 80-89.

4. Каталог русских центров // Информационный портал фонда «Русский мир». – Режим доступа: <http://www.ruskiymir.ru/rucenter/catalogue.php> (дата обращения: 24.02.2017).

5. Лаанеотс: российская угроза возрастает // DELFI. Talinn, 20 июня 2006. – Режим доступа: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/laaneots-rossijskaya-ugroza-vozrastaet?id=16225105> (дата обращения: 15.11.2017).

6. Новости // Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. 2012. – Режим доступа: <http://pravfond.ru/?module=news&action=list> (дата обращения: 19.11.2017).

7. О Россотрудничестве // Официальный сайт Россотрудничества. – Режим доступа: <http://rs.gov.ru/ru/about> (дата обращения: 21.02.2017).

8. О фонде «Русский мир» // Информационный портал фонда «Русский мир». – Режим доступа: <http://www.ruskiymir.ru/fund/> (дата обращения: 24.02.2017).

9. Образование в России // Официальный сайт Посольства РФ в Эстонской Республике. – Режим доступа: <https://estonia.mid.ru/obrazovanie-v-rossii> (дата обращения: 10.11.2017).

10. Обучение в России // Официальный сайт Посольства РФ в Латвийской Республике. – Режим доступа: <http://www.latvia.mid.ru/edu.html> (дата обращения: 10.11.2017).

11. Открытое образование // Ассоциация «Национальная платформа открытого образования». 2015. – Режим доступа: <http://npoed.ru> (дата обращения: 15.11.2017).

12. Продвижение русской культуры в мире // Официальный сайт Россотрудничества. – Режим доступа: <http://rs.gov.ru/ru/activities/2/projects/702> (дата обращения: 21.02.2017).

13. Устав Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом // Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, 2012. – Режим доступа: <http://pravfond.ru/?module=pages&action=view&id=8> (дата обращения 18.11.2017).

14. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об образовании в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

Махмуд А.Х.

Аспирант Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук
makhmud.anastasia@gmail.ru

Anastasia Makhmud

Postgraduate Student of the National Research Institute of World Economy and International Relations named after E. Primakov of the Russian Academy of Sciences
makhmud.anastasia@gmail.ru

«Мягкая сила» Российской Федерации в XXI веке

Soft Power Of The Russian Federation In XXI Century

Аннотация: В данной работе рассмотрены основы теории «мягкой силы», впервые представленной в 1990 г. Дж. Наем-мл. Показывается, что политика «мягкой силы» в данный период развития мировой политики играет ключевую роль в конструировании «повестки дня», благодаря быстрому технологическому прогрессу и увеличению роли СМИ/социальных сетей в жизни индивидов. На основе теоретического подхода проводится анализ современной «мягкой силы» Российской Федерации. Выделяются и описываются основные характеристики источников «мягкой силы», на базе которых предлагается модель вектора развития политики «мягкой силы» Российской Федерации, опирающаяся на культурно-исторический и цивилизационный аспекты и нормативно-правовую базу страны.

Ключевые слова: «мягкая сила», политика «привлекательности», Россия, повестка дня, мировая политика

Abstract: In this article, the fundamentals of the theory of soft power, introduced in 1990 by Joseph Nye Jr. are examined. It is shown that soft power policy in this period of development of international relations plays a key role in the construction of the “agenda” due to rapid technological progress and increased role of media/social networking in the lives of individuals. Based on the theoretical approach the author performs analysis of current soft power of the Russian Federation. The main characteristics of soft power sources are singled out and described, on the basis of which the model of the development vector of the soft power policy of the Russian Federation is proposed based on cultural-historical and civilizational aspects and regulatory framework of the country.

Key words: soft power, power, the policy of “attractiveness”, Russia, agenda, world politics.

Концепция «мягкой силы», впервые введенная в научно-политический оборот в 1990 г. профессором Гарвардского Университета Джозефом Наем-мл., является альтернативным подходом к использованию ресурсов государства для достижения своих национальных интересов, геополитических целей и решения внутривластных задач. В первую очередь «мягкая сила» выступает как собирательный образ различного рода источников и мер, противопоставляющихся жесткой (военная мощь) и экономической (экономические санкции, взятки) силам, в контексте меняющегося мира нового тысячелетия и ускоряющегося технологического прогресса.

Авторы концепции настаивают на том, что «мягкая сила» должна стать основным вектором современной повседневной демократической политики. Сама способность закладывать предпочтения людей базируется на таких ресурсах как харизматичность личности лидера, культура, привлекательность политических ценностей и институтов власти; а также с внутренней

политикой, которая имеет легитимность и авторитет как среди местного населения, так и за границами страны. Если глава государства представляет некие ценности, которым хотят подражать и следовать другие, - ему будет значительно легче осуществлять своё лидерство [9].

Основными источниками «мягкой силы» Най обозначает три компонента: культуру страны, её политические ценности и внешнюю политику.

Отмечается, что культура должна содержать в себе компоненты «высокого» уровня (такие как классическая литература, искусство, образование) и «низкого» (уровень поп-культуры, нацеленный на массовое развлечение). Тогда культура становится всепроникающей и начинает обладать значительным потенциалом для использования в качестве «мягкой силы», так как для продуцирования власти необходимо иметь большой спектр влияния, охватывающий все слои населения.

Внешняя и внутренняя политика государства также являются важными элементами «мягкой силы». Проводимый политический курс, как внутри, так и вне страны может быть привлекательным или отталкивающим [9]. Причём очень важную роль играет сам факт того, на кого нацелена политика, например, демократические ценности вряд ли найдут широкую поддержку в консервативных обществах закрытых государств (или у их лидеров). Также стоит заметить, что провозглашенные политические ценности, не имеющие реального подкрепления проводимым внутривнутриполитическим курсом, могут скорее подорвать «мягкую силу» государства, чем увеличить её.

Инструментами «мягкой силы» выступают те средства, с помощью которых у страны (или иного актора) есть возможность конвертировать приведенные выше источники «мягкой силы» в политический/социальный и т.д. курс для достижения поставленных задач

С процессом глобализации или даже информатизации общества «мягкая сила» обретает более важную роль. В постмодернистском обществе

появляется необходимость перехода к качественно новым средствам ведения международного диалога, и «мягкая сила» может занять здесь основные позиции. На передний план выходят средства кооперации, а не конфронтации, государства и негосударственные акторы (такие как неправительственные организации, транснациональные корпорации или акторы-индивидуалы, преследующие свои интересы, которые могут в корне расходиться с интересами национальных государств) вынуждены переходить на уровень цифровой дипломатии, чтобы идти в ногу со временем. Главными методами проведения внешней политики становятся построение сетей дипломатических отношений, участие в гуманитарных операциях, проведение курса публичной дипломатии, соблюдение прав человека и т. Д. Сама эффективность в проведении жёсткой политики в долгосрочных перспективах ставится под сомнение.

Россия не является исключением в «гонке за мягкой силой». В последние 10-15 лет было предпринято большое количество усилий в области развития «мягкой силы» страны, по крайней мере, в той её интерпретации, которая понимается в российском бюрократическом аппарате.

Запускается телеканал «Россия Сегодня» (Russia Today), который транслируется на английский, немецкий, французский, арабский и испанский языки. По данным социологических опросов на 2016 года, его еженедельно смотрят 70 млн человек [5].

По указу президента РФ создается фонд «Русский мир» [7], основными задачами которого являются популяризация и поддержание русского языка в мире; поддержка различных общественных и некоммерческих объединений, а так же других учреждений, занимающихся исследованием и разработкой методик в преподавании русского языка и литературы; содействие распространению объективной информации о России; поддержка деятельности российских диаспор за рубежом; поддержка экспорта

российских услуг образования; поддержка русскоязычных средств массовой информации за рубежом и других СМИ, отвечающих целям фонда; взаимодействие с РПЦ и другими религиозными организациями, поддерживающими распространение русской культуры и прочее [6].

Создается институт демократии и сотрудничества (ИДС), который является исследовательским центром, находящимся в Париже[3]. Основные задачи института декларируются как «взаимодействие государственного суверенитета и прав человека; отношения Восток – Запад и место России в Европе; роль НПО в политической жизни; интерпретация прав человека и методы их применения в различных государствах; пути использования исторической памяти в современной политике». Судя по всему, ИДС призван быть российским аналогом Фонда Сороса, успешно работающего практически во всех странах постсоветского пространства.

В 2008 г. было сформировано федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств «Россотрудничество» [4], призванное поддерживать русских, проживающих за рубежом и работать в области международного гуманитарного сотрудничества. Сайт Российского МИДа был переведен на 5 иностранных языках, а также представлен во всех ведущих российских и мировых социальных сетях, таких как Facebook, Instagram, Twitter, ВКонтакте, YouTube и др. Также свои странички в социальных сетях завели все ключевые представители государственной власти, включая главу Правительства РФ Дмитрия Анатольевича Медведева и Президента РФ Владимира Владимировича Путина.

С 2010-х гг. «мягкая сила» стала активно фигурировать в нормативно-правовых документах РФ, в частности, в Концепциях внешней политики (КВП) 2013 г. и 2016 г., где, в частности, говорится, что «неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов «мягкой силы», прежде всего возможностей гражданского общества,

информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам» [1].

Кроме того, происходит переход на болонскую систему образования, «включающую» Россию в западные традиции высшего образования, открывается радио проект «Голоса России», нанимается ведущее американское PR-агентство Ketchum для разработки «бренда России» и популяризации его в мире.

С одной стороны, предпринятые меры дали положительный результат. В 2016 г. Российская Федерация впервые вошла в топ-30 стран с наиболее успешной политикой «мягкой силы». Исследовательская компания «Портленд» (Portland), составившая этот рейтинг, опиралась на оценку «мягкой силы» стран по следующим критериям: привлекательность государственного сектора; привлекательность и активность в цифровой (интернет) сфере; привлекательность культуры; уровень привлекательности бизнес-среды; уровень международного взаимодействия; популярность образования; популярность национальной кухни; известность производимых технологий; привлекательность национального характера/уровень дружелюбия нации; популярность товаров класса «люкс»; привлекательность внешней политики и привлекательность уровня жизни/долголетия.

Индексы функционирования государственного сектора отражают ряд показателей, связанных с политическими ценностями страны, таких как свобода, права человека, демократия и равенство. Также эти показатели включают уровень эффективности государства и «Индекс развития человеческого потенциала». Показатели международной вовлеченности показывают охват дипломатических сетей государства и их нацеленность на решение основополагающих мировых задач, таких как развитие человечества и охрана окружающей среды. Индексы образования отражают уровень высшего образования в стране. Он оценивает качество университетов, количество обучающихся иностранных студентов, привлекательность за

рубежом и вклад публикаций института в международную академическую среду. Показатели интерактивной среды являются индикаторами уровня цифровой дипломатии страны и её вовлеченности в интернет-сферу. Индекс бизнес-среды отражает уровень привлекательности бизнес-моделей в стране, инновационный потенциал и нормативно-правовую базу среды. Показатели уровня культуры отражают как показатели популярности современной поп-среды, так и классический, исторически-накопленный багаж страны, уровень туристической привлекательности и т.д. [10].

В 2017 г. Российская Федерация продолжает хоть и не стремительный, но планомерный подъем в рейтинге мягкой силы агентства Портленд. Если в 2016 г. Россия занимала 27 место, то в 2017 г. уже 26.

Как отмечают авторы обзора [11], в 2017 г. Российская Федерация была однозначно в топе всех международных заголовков года. Новоизбранный президент США Дональд Трамп начал своё пребывание на посту, высоко оценив сильные лидерские качества президента Путина. Также подчеркивается прорыв российской «мягкой силы» в связи с её участием в урегулировании сирийского конфликта. Отмечается, что важную роль играет российская культура, являясь родиной балета, Большого театра и музея Эрмитаж [11].

С другой стороны, всё ещё остается много сторон, нуждающихся в плодотворной работе. Говоря о высшем образовании, например, стоит отметить, что в рейтинге «топ-50 стран с лучшей системой высшего образования» 2016 г. английской компании QS, Россия занимает 26 место между Ирландией и Малайзией [8]. Ведущий университет страны - Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова - занял 194-ое (!) место в рейтинге лучших ВУЗов мира (The World University Rankings) в 2017-2018 гг., потеряв несколько пунктов по сравнению с предыдущим годом. Также в список вошел ряд других российских высших учебных заведений (Московский физико-технический институт, Томский

политехнический университет, Высшая Школа Экономики), однако они занимают очень низкие позиции [12].

Из-за низких заработных плат в сфере образования и науки продолжается массовая «утечка мозгов» за границу, что обуславливает спад в наукоёмких отраслях: «На мировом рынке наукоёмкой продукции Россия представлена минимально, в долях статистической погрешности – 0,3%, в то время как США – 39%, Япония – 30%, Германия 16%» [2].

Некоторые исследователи и политические деятели замечают, что «мягкая сила» в России носит хаотичный неструктурированный характер. Несмотря на все инвестиции, российские СМИ дважды проиграли информационное противоборство Западу: во время действий вокруг Южной Осетии в 2008 г. и во время Украинского политического кризиса, который начался в 2013 г. и продолжается до сих пор. В обоих случаях западные СМИ выставили Российскую Федерацию агрессором, нарушающим нормы международного права, апеллировали к тому, что в России жёсткая тоталитарная власть и систематически нарушаются права человека, формируя в мировом сообществе образ России как образ врага. Это отчетливо показывает, что российская мягкая сила и её инструменты, такие как национальные СМИ, неправительственные организации и фонды, публичная дипломатия и прочее пока ещё не могут конкурировать с Западом.

Основной проблемой плохой реализации мягкосилового потенциала России следует признать полное отсутствие какой-либо единой государственной концепции как фундамента для построения политического курса «мягкой силы». На данный момент существует достаточно весомая нормативно-правовая база, на которой можно строить «мягкую силу» страны. Она состоит из Концепции внешней политики РФ от 30.11.2016 г.; Указа о координирующей роли Министерства Иностранных Дел РФ в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации от 8.11.2011 г.; Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом

Президента РФ от 24.12.2014 г.; Указа Президента России «О мерах реализации государственной политики в области образования и науки» от 7.05.2012г. Основных направлений политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества от 2010 г. и пр.

Важным элементом реализации «мягкой силы» РФ может стать сотрудничество государственных органов с научными центрами, институтами, университетам и мозговыми центрами, существующими в стране. В данное время наука «оторвана» от процесса выработки общей стратегии. Можно констатировать, что есть острая необходимость в выработке уникальной российской политики «мягкой силы», в которой будет использован западный опыт и теоретические основы, не применяя метод слепого копирования, а, наоборот, адаптируя под российские реалии.

Список источников и литературы:

1. Концепция внешней политики РФ от 30.11.2016 г. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 12.01.2018)
2. Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. М. Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2017. 272 с.
3. Официальный сайт Института демократии и сотрудничества. – Режим доступа: <http://www.idc-europe.org/ru/Институт-демократии-и-сотрудничества> (дата обращения: 11.01.2018)
4. Официальный сайт Россотрудничества. – Режим доступа: <http://rs.gov.ru/ru/about> (дата обращения: 12.01.2018)
5. Официальный сайт телеканала Russia Today. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/152810> (дата обращения: 09.01.2018)
6. Официальный сайт фонда «Русский мир». – Режим доступа: <https://www.ruskiymir.ru/fund/> (дата обращения: 14.01.2018)

7. Указ Президента Российской Федерации от 21 июня 2007 года. № 796. О создании фонда «Русский мир» // Российская газета. №4396. 23 июня 2007. С.1.
8. Рейтинг стран с лучшей системой высшего образования - 2016 // РИА «Новости» – Режим доступа: https://ria.ru/sn_edu/20160518/1432025012.html (дата обращения: 12.01.2017).
9. Nye J.S., Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004.
10. The Soft Power 30. Global Ranking of Soft Power 2016. Portland. 2016
11. The Soft Power 30. Global Ranking of Soft Power 2017. – Режим доступа: <https://softpower30.com/country/russian-federation/> (дата обращения: 12.01.2018).
12. The World University Rankings. – Режим доступа: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2018/world-ranking#!/page/0/length/-1/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats (дата обращения: 12.01.2018).

К сведению авторов

Правила предоставления рукописей для публикации в научном электронном журнале «Вестник молодых ученых-международников»

В редакцию журнала предоставляется авторский оригинал статьи (на русском языке) в распечатанном виде (с датой и подписью автора) или в электронной форме по электронной почте, содержащей текст в формате «Word» (версия 1997–2003).

Весь текст набирается шрифтом Times New Roman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца — 0,7 см, абзацы четко обозначены.

Поля (в см): слева и сверху — 2, справа и снизу — 1,5. Нумерация — «от центра» с первой страницы. Объем статьи — не более 15–16 тыс. знаков с пробелами (с учетом аннотаций, ключевых слов, примечаний, списков источников).

Структура текста:

1. **Сведения об авторе / авторах на русском и английском языках:** имя, отчество, фамилия, должность, место работы, ученое звание, ученая степень, домашний адрес (с индексом), контактные телефоны (раб., дом.), адрес электронной почты, — размещаются перед названием статьи в указанной выше последовательности (с выравниванием по правому краю).

2. **Название статьи на русском и английском языках**

3. **Аннотация статьи на русском и английском языках** (3–10 строк) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах, размещается после названия статьи (курсивом).

4. **Ключевые слова на русском и английском языках** по содержанию статьи (8–10 слов), которые размещаются после аннотации.

5. **Основной текст статьи**, желательна разбитый на подразделы (с подзаголовками).

6. **Список источников и литературы**

Сокращения типа т.е., т.к. и подобные набираются через неразрывный пробел.

В тексте используются кавычки «...», если встречаются внутренние и внешние кавычки, то внешними выступают «елочки», внутренними «лапки».

В тексте используется длинное тире (-), получаемое путем одновременного нажатия клавиш «Ctrl» + «Alt» + «-», а также дефис (-).

Таблицы, схемы, рисунки и формулы в тексте должны нумероваться; схемы и таблицы должны иметь заголовки, размещенные над схемой или полем таблицы, а каждый рисунок — подрисуночную подпись.

Список источников и литературы оформляется в соответствии с принятыми стандартами и выносится в конец статьи. Источники даются в

алфавитном порядке (русский, другие языки). Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках [номер источника в списке, страница].

Примечания нумеруются арабскими цифрами (с использованием кнопки меню текстового редактора «надстрочный знак» — x2). При оформлении библиографических источников, примечаний и ссылок автоматические «сноски» текстового редактора не используются.

Подписуемые подписи оформляются по схеме: название/номер файла иллюстрации — пояснения к ней. Номера файлов в списке должны соответствовать названиям/номерам предоставляемых фотоматериалов.

Иллюстративные материалы — в электронной форме (фотография автора обязательна, иллюстрации) — отдельными файлами в форматах TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Не допускается предоставление иллюстраций, импортированных в «Word», а также их ксерокопий.

Ко всем изображениям автором предоставляются подписуемые подписи (включаются в файл с авторским текстом).

Заполненный в электронной форме Договор авторского заказа (высылается дополнительно)

Рецензия обязательна для всех авторов статей, кроме тех., кто входит Редакционного совета или Редакционной коллегии Журнала. Рекомендательное письмо научного руководителя — обязательно для публикации статей аспирантов и соискателей.

Авторы статей несут ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

Редакция вправе изъять уже опубликованную статью, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

О факте изъятия статьи редакция сообщает автору, который представил статью, рецензенту и организации, где работа выполнялась.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Статьи и предоставленные тексты, другие материалы не возвращаются.

Статьи, оформленные без учета вышеизложенных Правил, к публикации не принимаются.

Правила составлены с учетом требований, изложенных в [приказе Министерства](#) образования и науки РФ от 25.07.2014 № 793.

The rules for submission of manuscripts for publication in the Academic periodic electronic journal “IR YOUNG SCIENTISTS’ HERALD”

In the journal is the author's original article (in Russian) in printed form (with date and signature of the author) and in electronic form containing the text in Word (version 1997-2003).

All the text is typed in Times New Roman Cyr, font 14 pt, with single line spacing. The indents at the beginning of the paragraph — 0.7 cm, paragraphs clearly marked. Field (in cm): left and top — 2, right and bottom is 1.5. Numbering — “from the heart” from the first page. The volume of the article — no more than 15-16 thousand characters with spaces (including abstracts, keywords, notes, list of sources).

The structure of the text:

Information about author / authors: name, patronymic, surname, position, affiliation, academic title, academic degree, address (including zip code), phone numbers (work, home), the email address is placed before the title in the above sequence (right-aligned).

The title of the article

The abstract (lines 3-10) on the relevance and novelty of the topic, the main substantive aspects, is placed after the article title (in italics).

Keywords on the content of the article (8-10 words), which are placed after the abstract.

The main text of the article, preferably split into sub-sections (with headings).

The initials in the text are drawn through a non-breaking space name (by pressing the keys “**Ctrl**” + “**Shift**” + “**space**”. Between the initials no spaces.

Reduction type i.e., as and the like are drawn through a non-breaking space.

In the text, use quotation marks “...”, if there are internal and external quotation marks, the external act “Christmas tree”, the internal “legs”.

The text uses a dash (-), obtained by simultaneously pressing the keys “**Ctrl**” + “**Alt**” + “-”, and the hyphen (-).

Tables, charts, figures, and formulas in the text should be numbered; diagrams and tables should have captions placed above the diagram or table field, and each picture is a caption.

List of references / sources used (if included in the list of electronic resources) shall be in accordance with accepted standards and shall be made at the end of the article. Sources are given in alphabetical order (Russian, other languages). Reference to the list in the main text are given in square brackets [the number of the source in the list, the page]

Notes are numbered with Arabic numerals (using the menu buttons text editor “Superscript a” — x2). In the design of bibliographic sources, notes and references automatic “footnotes” text editor is not used. “Footnote” is given in the interlinear

on the 1st page in case the instructions on the continuation of the article and/or the source of the publication.

Captions are under the scheme: name/file number of illustrations notes thereto (what/who is where; for images of book covers and their contents bibliographic description; etc.). The file numbers in the list must match the names/numbers of the provided photographs.

Materials in English — about the author/authors, title, abstract, keywords (in hard copy and in electronic form (second separate file on a email) containing the text in Word (version 1997-2003).

Illustrative materials in electronic form (photo by the author, illustrations) — separate files in TIFF/JPG with resolution not less than 300 dpi.

Not permitted to provide illustrations, imported into “Word” and also the copies thereof.

All images by the author include captions (included in file with the author).

Filled in the electronic form of the Contract of author's order (sent separately)

Recommendation letter of the supervisor — required for the publication of articles by graduate students and applicants.

The authors are responsible for the content of the articles and for the fact of their publication.

The editors do not always share the views of the authors and is not responsible for the inaccuracy of published data.

The editorial Board assumes no responsibility to the author and/or third parties and organizations for any possible damage caused by the publication.

The editors have the right to withdraw the published article, if it turns out that in the process of publishing the article were violated someone's rights or generally accepted norms of scientific ethics.

The fact of withdrawal, the editorial Board informs the author who submitted the article, the reviewer and the organization where the work was performed.

Articles and other materials will not be returned.

The articles prepared without taking into account the above Rules, it will not be accepted.

These arrangements meet the requirements set by the letter of Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia 25.07.2014 № 793 ([link](#))

Научное электронное периодическое издание
ВЕСТНИК МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
2018. № 2 (4)

Издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Адрес Редакции Журнала: 119021, г. Москва, Остоженка 53/2 стр. 1, каб.345

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

Электронный адрес размещения выпуска Журнала:

<http://www.dipacademy.ru/periodical/zhurnal-vestnik-molodykh-uchenykh-i-diplomatov/>

Научный редактор выпуска Журнала: О.П. Иванов (д.п.н.).

Редакционная коллегия выпуска Журнала: Р.Н. Шангараев. (к.э.н.),
О.А. Тимакова(к.п.н.), Л.Н. Кулябина (к.п.н.), И.О. Анисимов (к.ю.н.).

Технический редактор выпуска Журнала: А.В. Амелина

Верстка:Р.Н. Шангараев

Оформление:Р.Н. Шангараев

Подписано к печати 15.06.2018.